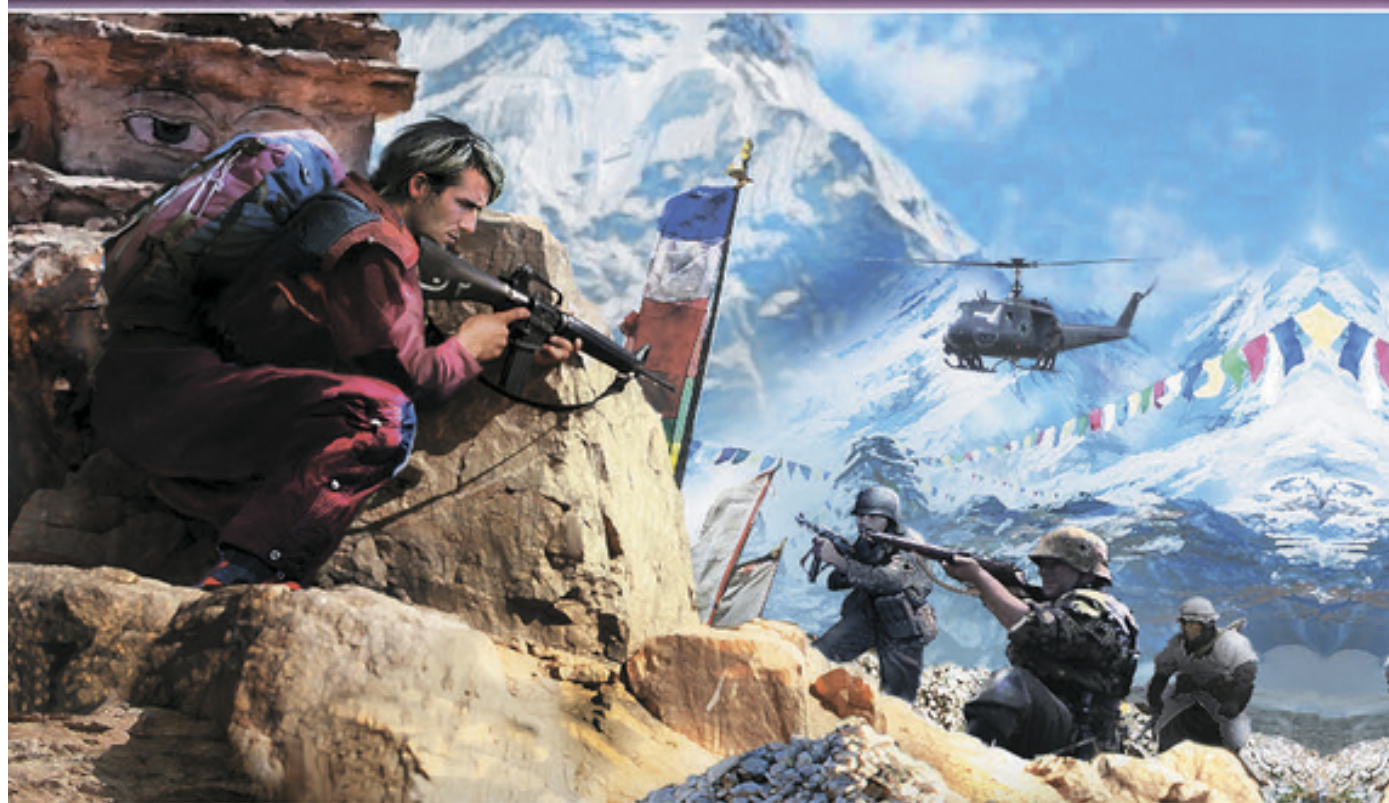

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Ерофей ТРОФИМОВ

ОРДЕН ЧЕРНОГО СОЛНЦА

...Кого деды не доби́ли, мы до́бьем!

Современный фантастический боевик (АСТ)

Ерофей Трофимов

Орден Черного солнца

«АСТ»

2016

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Трофимов Е.

Орден Черного солнца / Е. Трофимов — «АСТ»,
2016 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

...Кажется, Вторая мировая война давно уже закончилась, но иногда старые истории оказываются необычайно живучими. Так произошло и на этот раз: совместная этнографическая экспедиция трех стран в Непале подверглась нападению необычных людей. С этого начались странные и смертельно опасные приключения бывшего сержанта ВДВ...

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Ерофей Трофимов

Орден Черного солнца

© Трофимов Е., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

...Остров Рюгер, Германия.

Май тысяча девятьсот сорок пятого года...

Снаряды ложились все ближе к берегу, и майор Отто фон Ривендорф, с ненавистью поглядывая на неуклюжих штатских, которых ему приказали в срочном порядке эвакуировать, громко приказал:

– Mach schnell! Keine Zeit!¹

Не ожидавшие окрика штатские, втянув головы в плечи, заторопились, оскальзываясь на мокрых от морской воды сходнях. Глядя на их неуклюжие движения, майор мрачно скривился и, оглянувшись на стоящего рядом лейтенанта, подумал, что не будь здесь этого хлыща, он давно бы уже приказал расстрелять всех этих подонков, предварительно погрузив на катера всю необходимую документацию.

И плевать, что все это стадо – лучшие светила самых разных наук. Теперь это уже не важно. Третьего рейха, Великой Германии больше нет, а значит, нет смысла кормить всех этих идиотов и саботажников. Столько времени, столько средств затрачено на эти изыскания – и никакого толку. А всего-то надо было расстрелять по человеку из семьи, и они бы начали работать – чтобы сохранить жизнь остальным.

Проект Lebensborn² должен был дать Великому рейху сотни, тысячи юных патриотов. А вместо этого – сплошные неудачи и постоянное нытье на нехватку средств и плохие условия. Эти зажавшиеся скоты осмеливались требовать усиленного питания для себя и своих вырожденков в то время, когда лучшие люди нации голодали, безропотно трудясь для обеспечения фронта.

Два торпедных катера, в трюмы которых уже загрузили все оборудование и документацию, были готовы в любой момент сорваться с места и уйти в холодные балтийские воды. Отправку задерживали только эти неуклюжие штатские, не умеющие даже на ногах толком держаться.

Эта мысль промелькнула у майора, когда один из ученых, поскользнувшись на сходнях, чуть не рухнул в воду, в последний момент удержавшись за леер. И это научный цвет нации! Лучшие умы великой державы, продолжал размышлять майор. Больше всего ему сейчас хотелось выхватить из кобуры свой любимый люгер и выпустить в эту никчемную толпу всю обойму.

Но это были только мечты. Служа Великой Германии не за страх, а за совесть, майор с самого начала был участником этого проекта – занимался охраной и обеспечением, и за все время своей службы умудрился не получить ни одного замечания. Майор фон Ривендорф был истинным патриотом своей страны.

Наконец дождавшись, когда последний штатский окажется на борту, майор оглянулся на недавно присланного лейтенанта и, улыбнувшись одними губами, произнес:

¹ Mach schnell! Keine Zeit! – Прибавить шагу! Времени нет! (нем.)

² Lebensborn (нем.) – руна жизни. Нацистская программа по созданию ферм для массового производства светловолосых голубоглазых детей.

– Вот и все, лейтенант. Пора.

Худощавый лейтенант выждал, пока на палубу катера взойдет старший по званию, и только после этого спокойно, словно на прогулке, поднялся сам. Майор уже давно за ним наблюдал и не мог не оценить выдержку и хладнокровие молодого офицера. Что ни говори, а этот лейтенант с узким шрамом на левой щеке был истинным арийцем: высокий, подтянутый, светловолосый, с холодными голубыми глазами, он словно олицетворял тот результат, к которому должны были стремиться ученые, работавшие в этом проекте.

Матросы быстро убрали трап, и катера отвалили от пирса. Мощные, усовершенствованные моторы взревели, и суда устремились в открытое море. Убедившись, что все ученые находятся в своих каютах и на палубе никто не остался, лейтенант откашлялся, привлекая внимание командира, и, коснувшись рукава майора, сказал:

– Герр майор, я должен рассказать вам кое-что. Мне сообщили об этом перед приездом сюда.

– Что, сейчас? Здесь? – скривился майор.

– Это конфиденциальная информация. Я получил четкие инструкции и просто выполняю приказ. Пройдете к борту – нас не должны слышать, – ответил лейтенант.

Как дисциплинированный солдат, майор, услышав волшебное слово «приказ», коротко кивнул и решительно направился к борту, пытаясь предугадать, что именно может сообщить ему этот выскочка. Проверив, что рядом никого нет, а ящики с оборудованием надежно скрыли их от находящихся в рулевой рубке, лейтенант сунул руку в карман и, чуть улыбнувшись, произнес:

– Перед отъездом я получил однозначный приказ. Как говорят американцы, ничего личного.

С этими словами он одним плавным движением выхватил из кармана небольшой никелированный вальтер. Пистолет тихо хлопнул, и майор Отто фон Ривендорф стал медленно заваливаться назад, так и не успев выхватить из кобуры любимый люгер. Пуля пробила ему переносицу, и потомок тевтонских рыцарей умер раньше, чем успел понять это.

Перевалившись через леер, майор рухнул в свинцовые воды. Рев моторов скрыл и выстрел, и всплеск падения. Убрав пистолет, лейтенант задумчиво посмотрел на пенный бурун и, чуть улыбнувшись, добавил:

– Там, наверху, кое-кто решил, что вы слишком много знаете, а перебазировка освобождает проект от необходимости ваших услуг.

Капитан судна, появившийся на палубе, сообразил, что не хватает ведущего офицера, и подошел к замершему словно статуя лейтенанту; выглянув на всякий случай за борт, он поинтересовался:

– Куда подевался майор, лейтенант?

– Майор Отто фон Ривендорф не смог стерпеть поражение немецкого оружия и, передав мне все дела, умер как истинный солдат. Он застрелился. Только что.

– Вот как? – с сомнением произнес капитан, но наткнувшись на холодный взгляд офицера СС, прикусил язык.

– Именно так, капитан. А теперь прочтите вот это и приступайте к выполнению новых инструкций.

С этими словами лейтенант достал из внутреннего кармана толстый пакет и, передав его капитану, поднял воротник, защищаясь от холодного балтийского ветра. Дождавшись, пока моряк прочтет инструкции, он, чуть усмехнувшись, посмотрел тому прямо в глаза:

– Вопросы?

– Никак нет, герр лейтенант, – скрипнув зубами, ответил моряк. – Разрешите прокладывать новый курс?

**...Высокогорье на границе Непала, Китая и Индии.
Конец девяностых...**

Номер тысяча сто одиннадцать бежал, оскальзываясь на влажных камнях, то и дело рискуя свернуть себе шею на крутом склоне горы. За его спиной, где-то в ущелье, пройденном несколько часов назад, раздавался остервенелый собачий лай и резкие команды на гортанном, обрывистом, как все тот же давно осточертевший лай, языке.

Добравшись до крошечного ручья, номер тысяча сто одиннадцать рухнул на колени и, жадно глотнув несколько горстей ледяной воды, затравленно оглянулся. Бежать дальше сил уже не было. Хотелось просто упасть на стылые камни и тупо смотреть в бездонное голубое небо – до тех пор, пока один из преследователей не приставит к голове автомат и не нажмет на курок.

Однажды он видел такое. Один объект, выбившись на работе из сил, упал на камни, и охранник, без долгих разговоров, просто пристрелил его, избавив от дальнейших мучений. Но тот объект не пытался бежать. Он просто лег, и все. А он, номер тысяча сто одиннадцать, осмелился на побег! Скорее всего, его затравят собаками. Огромными, свирепыми овчарками, специально натасканными выслеживать беглецов.

Объекты. Именно так их называли охранники и люди в белых халатах, регулярно проводившие на них какие-то эксперименты. Все собранные в замке дети не имели имен, не знали грамоты. С самого рождения, едва научившись обслуживать себя самостоятельно, они отправлялись в зону. Так охранники называли сеть огромных пещер, разделенных решетками на отсеки. Двухъярусные нары с соломенными матрацами – вот и вся обстановка.

Кормежка два раза в сутки и работа от зари до зари без выходных. Они делали всё. Убирали бесконечные коридоры вырубленного в скале замка; выращивали овощи и просо – единственный злак, вызревающий в условиях высокогорья; строили или сносили стены: хозяева постоянно перестраивали замок. Целей перестройки он не знал. Как, впрочем, и никто из объектов. Работа была единственным развлечением и наукой, которую постигали дети.

От нее освобождали только отправляемых в лабораторию, что случалось регулярно. Для чего отправляли других, он не знал, да и не очень-то интересовался. Он давно уже понял, что опыты бывают болезненные и не очень: одни оставляли жить дальше, после других не выживали. Впрочем, и это не особо их интересовало. Ведь другой жизни они просто не знали.

Собачий лай приближался. Номер тысяча сто одиннадцать заставил себя подняться и на подгибающихся от усталости ногах двинулся дальше. За огромными валунами послышалось эхо азартного повизгивания, и он понял, что собак спустили с поводков. Погоня подходила к завершающему этапу. Быстро осмотревшись, номер тысяча сто одиннадцать свернул с козьей тропы и прямо по каменистому склону двинулся в долину.

Неожиданно перед ним появилась узкая глубокая расселина, по дну которой стремительно несся речной поток. Это был конец. Перепрыгнуть ее не хватит сил, идти по краю означает оставаться на виду у преследователей, подниматься в горы уже нет времени. Услышав за спиной тяжелые шаги и скрежет железа по камню, он растерянно посмотрел вниз и, глубоко вздохнув, опустил голову. Не получилось.

Все, чего он хотел – избавиться от болезненных опытов и посмотреть, что находится за стенами замка. Он не знал, куда и зачем бежит. Просто бежал, задыхаясь от страха и пьянящего чувства свободы. Но теперь все кончилось. Его догнали, и все свидетели его побега многократно порадуются, что не последовали за ним.

– Halt! Hier, schnell!³

Прозвучала отрывистая команда, и номер тысяча сто одиннадцать вздрогнул от ненависти. Бросив на преследователей долгий угрюмый взгляд, он еще раз оглянулся на стремительный водный поток и, вздохнув, шагнул с обрыва в расселину. Преследователи, высокие

³ Halt! Hier, schnell! – Стой! Сюда, быстро! (нем.)

светловолосые люди в черной униформе без знаков различия, дружно охнули и, осторожно подобравшись к краю, мрачно переглянулись.

– Грязный полукровка, – проворчал один из преследователей, – что мы теперь этому профессору скажем?

– Расскажем, что было, и пусть удавится от злости. Меня больше волнует не его мнение, а реакция настоятеля, – решительно ответил высокий, с невероятно широкими плечами солдат.

Взгляд его светло-голубых глаз был невозмутимо спокойным и чуть презрительным. Неопределенно пожав плечами, задавший вопрос охранник повесил автомат на плечо и молча направился в обратную сторону. Задумчиво покосившись на расселину, гигант развернулся и зашагал следом.

...Южная Африка.

Конец девяностых...

Лиза Анхинг, профессор генетики, рывком сдернула с рук латексные перчатки и, швырнув их в корзину для мусора, устало закурила. Курение в лаборатории было категорически запрещено, но сейчас ей было плевать на запреты. Уже пятый подопытный умирал раньше, чем она успевала получить необходимое для исследований количество генетического материала.

Как ни противно признаваться, но это был полный провал. Откинув со лба прядь волос цвета выбеленного хлопка, она резким движением погасила сигарету и, быстро поднявшись, разблокировала дверь лаборатории. Выглянув в коридор, Лиза окликнула звероподобного охранника и, небрежно ткнув пальцем себе за спину, приказала:

– Уберите отсюда эту падаль и позовите кастеляна.

Не дожидаясь, пока охранник приведет уборщиков, Лиза развернулась и, сунув руки в карманы халата, направилась в свой кабинет. Чашка крепкого кофе и бокал коньяку – вот что ей сейчас требовалось, чтобы успокоиться и как следует все обдумать. Шагнувший к коммуникатору охранник остановился и, проводив ее долгим плотоядным взглядом, удрученно вздохнул.

Лиза почувствовала этот взгляд и, презрительно усмехнувшись, подумала: «Тупое животное! Интеллект выше пояса никогда не поднимался».

Сознавая, что красива, она давно уже привыкла к подобным взглядам и считала их лишь комплиментом ее родителям. Им действительно удалось создать настоящий шедевр. Высокая, под метр восемьдесят пять, с подтянутой фигурой атлетки, крепкими бедрами и высокой грудью, она с ранней юности привыкла к вождевающим мужским взглядам.

Еще подростком она их замечала, причем даже со стороны мужчин весьма значительно старше нее. Это ее мало волновало. Она вообще не считала секс чем-то из ряда вон выходящим. Для нее это был лишь акт, необходимый для продолжения рода. Впрочем, наука не стоит на месте и, по мнению Лизы, очень скоро и без этого этапа можно будет обходиться.

Сосредоточенная на работе, она не собиралась тратить время на подобные пустяки. Ее цель – задача, ради которой несколько поколений ее предков добровольно ушли и оставались в изгнании, – была важнее всего. Думать иначе для Лизы означало предать память родителей, воспитывавших ее в духе служения великой идее.

В кабинете она включила кофеварку и, плеснув в бокал немного коньяку, рухнула в кресло. Как только ароматная коричневая жидкость с шипением полилась в фарфоровую чашку, Лиза, уже предвкушая напиток, со вздохом поднялась на ноги. Но насладиться коротким отдыхом ей не дали.

Дверь без стука распахнулась, и появилась женщина в черной монашеской сутане, с мрачным, высокомерным выражением на морщинистом лице. Неодобрительно глянув на бокал и кофейную чашку, она решительно прошла в кабинет и, прикрыв за собой дверь, спросила:

– Опять не получилось?

– Опять, – нехотя кивнула Лиза. – Эти девки мрут как мухи. Такое впечатление, что их уже приводят полумертвыми.

– Что ты хочешь этим сказать? Что мы умышленно поставляем тебе негодный материал? – Лиза расслышала в голосе монашки неприкрытую угрозу.

– Я этого не говорила, – мрачно насупившись, ответила она, стараясь не опускать взгляда. – Но для эксперимента нужны сильные, абсолютно здоровые особи. А мне приводят изнуренных работой заморышей.

– Они должны работать. Или ты хочешь, чтобы за них работали люди высшей расы?

– Я этого не говорила, – возразила Лиза, упрямо покачав головой. – Я всего лишь прошу хотя бы на неделю освобождать от работ отобранные объекты, чтобы они не подыхали еще до первого забора крови. На каждый эксперимент мы тратим огромные средства, а на выходе – нуль.

– Твои слова идут вразрез с уставом нашего заведения, – процедила монахиня, поджав бескровные губы.

– Я же не прошу совсем освобождать их от работы, – вздохнула Лиза, начиная очередной этап бесконечного спора. – Я прошу только изменить их подготовку к эксперименту.

– Я передам твою просьбу хозяину. Но не думаю, что он позволит нарушать заведенные порядки, – ответила монахиня, скривившись так, словно проглотила лимон.

Круто развернувшись, она вышла из кабинета. Когда дверь за ней закрылась, Лиза тихо прошипела:

– Старая сука! Такие, как ты, только мешают заниматься делом. Тварь! – Последнее слово она выплюнула, давая выход накопившемуся раздражению.

Достав из пачки очередную сигарету, Лиза закурила и, выпустив дым по направлению к двери, проворчала, испытывая настоящее удовольствие от нарушения очередного запрета:

– Задохнись, старая калоша!

* * *

Распустив узел страховки и отстегнув карабин, Алексей устало вздохнул. Оглянувшись на собравшихся в кучу умников, он мрачно скривился: это надолго. Теперь вся эта толпа взрослых, можно даже сказать, умных людей будет несколько дней подряд размахивать трясущимися руками, с пеной у рта отстаивая теории, которые сыпались из них как из рога изобилия: фрагмент рисунка на найденном в пещере кусочке кожи отдаленно напоминал мандалу⁴! Алексей не понимал этих ученых: найдут какой-нибудь черепок и визжат от восторга, словно золотой самородок нашли. Впрочем, он давно уже привык к их закидонам. Как ни крути, а третий год по всему миру с ними катается, всякого повидал.

Так что вполне может быть, что найденный артефакт действительно окажется той самой тангка⁵, о чем они все уже полчаса талдычат. Привычно смотав веревки, Алексей по-хозяйски прибрал снаряжение в рюкзак, внимательно посмотрел на вершину горы, затягивавшуюся туманом, и удрученно покачал головой: судя по всему, в лагерь умников придется тащить силой. От своей находки они теперь не скоро очнутся.

Но и к такому повороту событий он был готов. С того самого дня, как, вернувшись из армии, по предложению матери он устроился на работу в институт истории и этнографии лаборантом, Алексей только и делал, что присматривал за своим шефом. Мать, проработавшая в том же заведении почти всю жизнь и продолжавшая подрабатывать на полставки смотрителем в музее, уговорила профессора взять Алексея под свое крыло.

⁴ *Мандала* – мистический символ Вселенной, круг с вписанным в него квадратом с изображением божества.

⁵ *Тангка* – тибетская буддийская икона; пишется на мягкой поверхности, ткани, коже, коре.

Как оказалось, светило науки был человеком незлым, и даже, можно сказать, душевным. А главное, очень рассеянным. Алексей поражался, как можно помнить сотни дат и чисел, наизусть знать целые главы всяких свитков и папирусов, но не помнить, куда пять минут назад сунул собственные очки. Так что очень скоро Алексей превратился из обычного подай-принеси в няньку при пожиллом, сухопаром, но очень подвижном и рассеянном профессоре.

Алексей очень рано понял, как сложно было матери поднимать его одной. Отец скончался, когда Алексею не было и года, – простыл на рыбалке и за две недели сгорел от воспаления легких. Окончив школу и получив на руки диплом о среднем образовании, Алексей устроился на рынок таскать мешки и разгружать машины. Единственное, от чего он так и не смог отказаться, так это от занятий в секции рукопашного боя.

Не чувствуя особой тяги к наукам, он с удовольствием постигал науку грамотного мордобоя. Мать ворчала, когда он возвращался с очередных соревнований с синяками и разбитыми руками, что за такой спорт сажать нужно, при этом про себя радуясь, что парень увлекается спортом, а не пивом и наркотой.

Оттрубив положенные полтора года в воздушно-десантных войсках и поучаствовав в кавказском конфликте, Алексей вернулся домой другим человеком. Война всех меняет, независимо от того, хочет этого человек или нет. Он так и не признался матери, что дважды был легко ранен и имеет медаль «За отвагу». Рассказать ей такое у него не хватило духу.

И потому, когда мать предложила ему устроиться на работу в институт, Алексей без колебаний согласился. Спорить с ней, доказывая, что там платят копейки, он просто не решился. Судя по тому, с каким напряжением она ожидала его ответа, ей важны были не деньги, а его присутствие рядом. Она боялась снова отпустить его от себя.

Но здесь она ошиблась. Профессор Васильев быстро привык к тому, что рядом с ним постоянно находится этот сильный и удивительно молчаливый парень. Сам Алексей, превратившись в обе руки и личного секретаря профессора, только тихо посмеивался над собой. Но, как оказалось, преждевременно.

Умудрившись каким-то образом выбить для института грант на проведение раскопок где-то в Индии, профессор, недолго думая, вписал в состав экспедиции своего помощника, поставив его фамилию сразу после своей, вопреки всем правилам и положениям назначив его своим личным помощником. Узнав о том, что сын получил отличную возможность за счет института повидать мир, мать только вздохнула и отправилась собирать вещи.

После Индии были Монголия, Китай, Таиланд, и вот теперь – Тибет. Привыкший к кочевой жизни Алексей только головой крутил и старательно следил за тем, чтобы профессор не потерялся. Задумавшись о чем-то, тот запросто мог пройти мимо нужных дверей или пропустить собственный рейс. Так что все заботы по оформлению проездных документов сотрудников и погрузке профессора на нужный рейс ложились на его плечи.

Вот и сегодня, спустив своего подопечного со скалы, Алексей вынужден был насильно отрывать профессора от научных изысканий. То, что рядом с тем собралось около дюжины таких же чокнутых, только усложняло задачу. Еще раз покосившись на быстро закрывающийся вершину горы туман, Алексей подошел к профессору и, не говоря ни слова, ухватил его за локоть и решительно повел в лагерь.

– Что вы делаете? – тут же взвился профессор. – Алексей, вы мне мешаете!

– В лагере поговорите. Погода портится, – коротко пояснил Алексей, даже не думая останавливаться.

К подобным выступлениям профессора он давно уже привык и не обращал на них внимания. Как Алексей и думал, все остальные участники похода тут же двинулись следом за влекомым профессором.

«Гамельнский крысолов и дети, – с усмешкой подумал Алексей, припомнив старую сказку. – Прямо как младенцы: блестящую игрушку увидели – и хоть в огонь за ней».

До лагеря они успели добраться очень вовремя. Едва только Алексей запихнул профессора в палатку, как на лагерь налетел порыв холодного ветра. Алексей, зябко поежившись, отправился на кухню за обедом для них обоих. К его удивлению, там уже топтались все участники подъема. Так случилось, что за одним и тем же объектом «охотились» сразу три экспедиции: российская, немецкая и английская.

Общаться с иностранцами Алексею приходилось при помощи скудного словарного запаса и пантомимы. Что, впрочем, не мешало им понимать друг друга. Войдя в палатку, Алексей молча кивнул всем присутствующим и, установив на два подноса тарелки с едой, с сомнением покосился на содрогающуюся под ударами ветра брезентовую стену палатки.

– Вам нужна помощь, Алексей?

Оглянувшись, он встретился глазами с Бертой – молоденькой немкой, самым молодым аспирантом в экспедиции. Обычно смешливые зеленые глаза девушки смотрели на него с интересом и неподдельным участием. Понимая, что Берта проявляет дружелюбие, Алексей заставил себя улыбнуться и покачал головой:

– Ничего, справлюсь. Спасибо. Вы только клапан придержите.

– Конечно, – с улыбкой кивнула Берта.

Ухватив подносы за края, Алексей привычно напряг пальцы и быстрым, ровным шагом вышел на улицу. Очевидно, такого фокуса от него никто не ожидал, потому что вслед раздался дружный растерянный вздох собравшихся. Добравшись до профессорской палатки, Алексей спиной вперед ввалился внутрь и, аккуратно поставив подносы на свободный участок стола, с облегчением перевел дух.

Теперь ему предстоял следующий этап приключения под названием «накорми профессора, оторвав его от находки». Сам Васильев, водрузив на нос очки и вооружившись большой лупой, старательно изучал каждый миллиметр артефакта, при этом что-то тихо бормоча себе под нос. Подойдя к столу, Алексей выключил настольную лампу и, выхватив лупу из рук профессора, заявил:

– Отдам после обеда. Ешьте, пока не остыло.

Иначе того было не уговорить. Страдальчески вздохнув, профессор присел к столу и, ковырнув вилкой гречневую кашу, задумчиво сказал:

– Не могу решить, кем мне вас считать, Алексей. Своим добрым или злым гением.

– Как вам больше нравится, – пожал плечами Алексей. – Главное, делайте, что говорю, и будете всегда сытым и здоровым и совершите большую кучу всяких открытий.

– Совершишь тут, когда тебя таскают, как мешок с мукой, – проворчал Васильев, с заметным энтузиазмом принимаясь за еду.

Покончив с обедом, Васильев бросил вилку и почти бегом кинулся к своему рабочему столу. Молча положив перед ним отнятую лупу, Алексей собрал пустую посуду и, отнеся ее на кухню, вернулся. Погода все ухудшалась. Зная, что дорвавшийся до работы профессор спать не ляжет, он взял с полки первую попавшуюся книжку и погрузился в чтение.

К собственному удивлению, Алексей увлекся историей. Получив возможность читать не вымышленные истории, а исследования настоящих, подлинных событий, он с удовольствием погружался в пучину времен. Иногда это было утомительно, но в основном это было интересно. Не отрываясь от книги, Алексей прислушивался к завываниям ветра за стеной палатки. Вдруг сквозь свист и вой раздался странный, едва слышимый звук.

Подняв голову, Алексей настороженно прислушался. Он не понимал, что его напрягло, но нечто подобное он уже когда-то слышал. Что-то давнее, уже старательно забытое, всколыхнулось в его памяти, и Алексей, закрыв книгу, медленно поднялся на ноги. Шагнув к клапану палатки, он замер, вслушиваясь в звуки непогоды.

Далекий звук повторился, и Алексей понял, что ему не послышалось. Кто-то кричал о помощи. Это был не просто зов заблудившегося. Это был вопль существа, оказавшегося на

границы смерти. В душе Алексея всколыхнулись давние воспоминания, к которым он очень не хотел возвращаться. Сжав зубы так, что на скулах проступили упругие желваки, он закрыл глаза и удрученно вздохнул.

Это случилось, когда их роту, проводившую плановую зачистку зеленки, атаковали духи. Бой получился коротким, но яростным. Духи снова ушли в горы, а бойцы принялись подсчитывать потери. Один из парней, получив тяжелое ранение, кричал точно так же. Долго, пронзительно. От этого крика мурашки бежали по коже и в животе становилось холодно. И вот теперь, в этих стылых горах, он снова услышал этот ужасный крик.

Оглянувшись на профессора, Алексей убедился, что тот ничего вокруг не замечает, и, прихватив из угла фонарь, веревку и ледоруб, выскользнул из палатки. Снежная круговерть подхватила его, а резкий порыв ветра попытался бросить на колени. Несмотря на календарную весну, здесь, в горах, все еще царствовала зима.

Сдвинув капюшон, Алексей покрутил головой, пытаясь уловить направление, откуда прозвучал крик. Словно в ответ на его молитву, крик повторился. Алексей решительно двинулся к границе лагеря. Сделав поправку на ветер и отражение звука скалами, он вышел из лагеря и, включив фонарь, стал осматриваться.

Яркий луч галогеновой лампочки терялся в снежной завесе, слабо помогая что-либо рассмотреть. Но, судя по всему, кричавший заметил свет, потому что крик раздался вновь. На этот раз Алексей успел не только засечь точное направление, но и понять, что звук идет от скалы, которую они обследовали в первые дни по приезде: крутая, почти отвесная стена, спуститься с которой без альпинистского снаряжения было очень сложно. Благо они уже поднимались на нее, и в самых тяжелых точках остались забитые клинья, за которые можно было бы зацепиться. Согнувшись почти вдвое, Алексей направился к скале, на ходу расправляя моток веревки.

Но веревка не потребовалась. Кричавший лежал под скалой, спрятавшись за огромным валуном от пронизывающего ветра. Алексей чуть не наступил на него, когда искал место предыдущего подъема. Увидев того, кто заставил его покинуть уютное тепло палатки и бродить под пронизывающим ветром, Алексей по привычке в голос выругался и, шагнув за камень, навел на кричавшего луч фонаря. Но, едва разглядев находку, повторил фразу, добавив парочку многоэтажных выражений.

На голых камнях лежал паренек, почти мальчишка, в холщовых штанах и такой же рубашке. И это в такую погоду! Ко всему прочему, у парня явно была сломана нога. Во всяком случае, вся голень была в запекшейся крови, и он старался не ворошить ее лишним раз. Выглядел мальчишка худым до изможденности.

Быстрым движением закрутив узел на веревке, Алексей осторожно подошел к парню и, присев на корточки, спросил:

– Ты кто такой?

Следивший за ним затравленным взглядом мальчишка только отрицательно помотал головой. Сообразив, что его не поняли, Алексей повторил свой вопрос на английском: за время путешествий по свету он выучился худо-бедно говорить на этом языке. Но паренек снова покачал головой. Понимая, что парня с земли нужно поднимать, Алексей жестами попытался объяснить тому, что нужно встать и идти.

Вместо ответа паренек ткнул пальцем в свою ногу и тихо что-то пробормотал. Проследив за его рукой, Алексей понял, что тот имеет в виду и, мрачно кивнув, проворчал:

– Все ясно. Придется на себе тащить.

Тяжело вздохнув, он закинул веревку на плечо и ухватил паренька подмышки. Осторожно поднимая, он прислонил парня к валуну и, привычным движением положив его себе на плечи, медленно выпрямился. Мальчишка почти ничего не весил. Перехватив его повыше, Алексей уложил груз поудобнее и, не обращая внимания на страдальческий стон, решительно зашагал обратно.

Теперь нужно было найти палатку экспедиционного врача. В такую пургу мимо нее можно было пройти раза три и не заметить. Старательно подсвечивая себе фонариком, Алексей добрался до лагеря и, припомнив, где именно стоит эта палатка, направился в нужном направлении. Их появление было встречено не столько удивлением, сколько недовольством.

Поспешно спрятав бутылку с какой-то прозрачной жидкостью, доктор нацепил на нос очки, которые надевал только во время приема и, с подозрением покосившись на паренька, которого Алексей осторожно укладывал на узкий походный топчан, спросил:

– Ты где это убожество взял? Надеюсь, он ничем местным не болен.

– У него с ногой что-то, и недокормленный какой-то, а так вроде ничего, – пожал плечами Алексей.

Он давно уже привык к своеобразному отношению их врача к новоявленным пациентам. Доктор достал свой походный сундучок и, включив еще одну лампу, принялся старательно осматривать ногу парня. Алексей отступил в сторону, чтобы не мешать, и сложил руки на груди.

Распоров штанину, доктор ловко смыл запекшуюся кровь и, рассмотрев рану, тихо зашипел сквозь сжатые зубы. Заглянув ему через плечо, Алексей мрачно хмыкнул и, покачав головой, направился к выходу. Услышав, что он выходит, доктор быстро развернулся и, сдернув очки, возмущенно спросил:

– Вы куда это собрались, молодой человек?

– Хочу позвать кого-нибудь помочь вам.

– Сами справимся. Иди сюда, – решительно приказал врач, снова надевая очки и поворачиваясь к мальчишке. – Ты с ним разговаривал?

– Пытался, но он меня не понимает.

– По-английски?

– Ну не по-русски же, – фыркнул в ответ Алексей.

– Странно, на чистого азиата он не похож. Скорее, полукровка. И вынужден с тобой согласиться, он действительно недокормленный. Так, а это у нас что такое?

Вопрос был чисто риторический и относился к странной татуировке на плече паренька, которую доктор обнаружил, когда обнажил его торс для прослушивания легких.

– Доктор, у него вообще-то нога сломана, – осмелился напомнить Алексей, заранее предвидя реакцию врача.

– Знаю. Открытый перелом со смещением. Вон кость торчит. Но мне нужно знать его общее состояние, чтобы решить, какое количество обезболивающего ему вкатить. Вправлять такой перелом под местной анестезией – садизм. Не понимаю, как ты его вообще сюда дотащил.

– А чего тут такого? – не понял Алексей.

– Он сознания от боли не теряет?

– Нет. Стонал только, а так нормально добрались.

– Силен парнишка. От такого перелома здоровенные мужики сознание теряют. Ладно, давай начинать, – вздохнул доктор и, достав из аптечки несколько ампул, принялся наполнять шприц.

Перетянув парнишке плечо, он ловко вогнал иглу в вену и, плавно введя лекарство, мрачно покачал головой.

– Что-то не так? – насторожился Алексей.

– Все не так. Сам посмотри. У парня все вены исколоты, как у наркомана. Да еще эта татуировка странная...

Алексей шагнул к топчану и, чуть повернув лампу, присмотрелся. Доктор был абсолютно прав. Локтевой сгиб парня действительно был весь в следах от уколов, а на плече красовался странный знак. Круг с выделенным центром, от которого к краям во все стороны отходили

ломанные лучи. На первый взгляд, рисунок больше всего напоминал велосипедное колесо, если бы не изогнутые под углами спицы.

Что-то в них было знакомое, но вспомнить, что же, Алексей не мог. Задумчиво почесав в затылке, он покосился на доктора и, подумав, спросил:

– Вам это ничего не напоминает?

– Ты про следы уколов или про татуировку? – уточнил доктор.

– Про наколку. Что-то она мне напоминает. Вспомнить бы еще, что именно...

– Потом вспоминать будешь. Работать пора, – ответил врач, заглядывая в глаза мальчишке.

Осторожно удалив осколки и ловко вправив кость, доктор наложил шов и, загипсовав ногу, устало вздохнул:

– Прямо как в Афганистане. Хорошо, что погода холодная. На жаре уже пришлось бы ногу ампутировать.

– Вы служили в Афгане? – растерялся Алексей.

– Было дело, – грустно кивнул врач. – Ты ведь тоже не на продуктовой базе подъедался.

– Да так, – неопределенно махнул рукой Алексей. – Кавказ.

– Знаю. Дело твое видел. Мне, как врачу, положено знать, что у кого заболеть может. Так что можешь мне сказок не рассказывать. Медаль «За отвагу» просто так не дают. Как, впрочем, и другие медали.

– Долго вы там были?

– Смотря что считать долго, – вздохнул врач. – Выпить хочешь?

– Васильев этого не одобряет, но давайте. Он все равно теперь неделю ничего вокруг замечать не будет.

– Да уж, повезло. Честно говоря, я с самого начала считал всю эту поездку полной авантюрой. Кто-то из местных нашел какую-то старинную фигию – и весь научный мир впал в тихий экстаз. Думал, фальшивку запустили, чтобы внимание к себе привлечь. Оказалось, правда: иностранцы-то здесь же толкуются. Эти денег просто так не тратят. А уж когда сами фрагмент нашли, понял, что тут все серьезно.

Рассказывая все это, доктор достал из тумбочки фляжку, разлил в два пластиковых стаканчика спирт и протянул один Алексею, коротко добавив:

– Будем.

Мужчины привычно проглотили спирт и, отдышавшись, дружно закурили. Доктор едва успел убрать тару, когда клапан палатки откинулся и внутрь ввалилась Берта. Откинув капюшон, девушка старательно отряхнула с куртки снег и, повернувшись к доктору, с улыбкой сказала:

– Доктор, у вас есть аспирин? Голова болит, а наш врач уже спит. Я увидела у вас свет и зашла. О, здравствуйте, Алексей. А вы что тут делаете?

– Наш Леша, в отличие от своего патрона, даром времени не теряет. Вон какой артефакт нашел, – усмехнулся доктор, кивая на топчан.

– Это же ребенок! – ахнула Берта. – Где вы его нашли, Алексей?

– Услышал крик и наткнулся у первой стены, – коротко пояснил тот, пожимая плечами.

– Что это с ним? И что за странный знак? – продолжали сыпаться вопросы, и Алексей понял, что ответы, в общем-то, не требуются.

Он погасил сигарету, присел на край стола и, дождавшись паузы, сказал:

– Все, что мы про него знаем: что у него сломана нога, ему делали внутривенные уколы и на плече странная татуировка. Кто он такой, откуда взялся и как зовут – неизвестно. Так что подождем, пока придет в себя, а потом будем решать, что с ним делать и на каком языке с ним разговаривать.

Не ожидавшая такого ответа Берта удивленно кивнула и, помолчав, задумчиво протянула:

– Удивительно, как вы сумели его найти в такую погоду.

– Есть кое-какой опыт, – усмехнулся Алексей. – Доктор, у вас ручка с бумагой найдутся?

– Держи, – коротко ответил врач, выложив требуемое на стол.

Подвинув девушку, Алексей старательно перерисовал татуировку и, вернув ручку доктору, убрал листок в карман.

– Здесь все равно пока делать нечего. Так что попробую шефа потрясти – может, он чего про это колесико знает, – пояснил Алексей, кивая на плечо своего найденыша.

– А это мысль. Наш Васильев – энциклопедия ходячая. Главное, чтобы не увлекся, – усмехнулся доктор.

– Вот поэтому спрашивать я буду сам, – усмехнулся в ответ Алексей и, кивнув Берте, вышел из палатки.

Добравшись до палатки профессора, он с улыбкой убедился в собственной правоте: Васильев все так же сидел с лупой над найденным артефактом, ничего вокруг не замечая. Вытащив из кармана листок, Алексей подsunул его под профессорскую лупу. Удивленно хлопнув глазами, тот поднял голову и, узнав своего помощника, растерянно спросил:

– Откуда это у вас, Алексей?

– Потом расскажу. Вы знаете, что это такое, профессор?

– Schwarze Sonne – Черное солнце. Это знак ордена воинов-жрецов, основанного в семнадцатом веке в германском королевстве. Сдвоенная руна «зиг», стилизованная под молнию, была символом фашистского СС. Надеюсь, что это такое, тебе объяснять не надо?

– Не надо. Но при чем здесь руна?

– Сам посмотри. Лучи, идущие от центра, изломаны точно так же. Это руны. Знак воинов-жрецов, насколько мне известно, применяли только для проекта Übermensch – проекта по созданию сверхчеловека. Идеология по теории Ницше. Их еще называли Schwarze Auftrag – Черный орден. Это знак того, что данная вещь принадлежит ордену. Так откуда у вас этот рисунок?

– Три часа назад я нашел под первой скалой парнишку со сломанной ногой. А на плече у него такая татуировка. Теперь понятно, что именно он мне напомнил: знак СС. Полезно иногда кино смотреть. Только откуда здесь, в наше время, у мальчишки мог взяться знак, что он чья-то собственность? Да еще ордена Черного солнца, основанного в фашистской Германии?

– Он жив? – растерянно спросил профессор.

– Жив. Без сознания только. Доктор ему обезболивающее вкатил, чтобы ногу вправить.

– Не думал, что прошлое меня снова найдет, – тихо сказал профессор, устало опускаясь на складной стул.

– В каком смысле «прошлое»? – не понял Алексей, моментально насторожившись.

Вместо ответа Васильев молча закатал левый рукав и, подставив предплечье под свет лампы, ткнул пальцем в выцветшую татуировку. Пять цифр едва заметно синели на старческой коже.

– Я был в Дахау.

– Вы были в концлагере?! – растерялся Алексей.

– Ребенком. Нас эвакуировали из Ленинграда, но поезд разбомбили, и всех захваченных отправили в лагерь. Не знаю, как я выжил. Чудом, наверное. С тех пор я всегда мечтал забыть те годы. Но не получается. И вот теперь опять!

Голос профессора звучал глухо, словно ему страшно было говорить.

– Нас обнаружили солдаты из службы Sicherheitsdienst⁶. Их интересовали ценности. Поэтому нас передали конвойной команде.

– Странно это все, – вздохнул Алексей.

– Что странно? – переспросил профессор, отвлекшись от своих мыслей.

– История сегодняшняя. Откуда у паренька-полукровки могла взяться фашистская татуировка?

– Полукровки? – удивился профессор, не совсем понимая, о чем речь.

– Доктор так сказал. По мне, парень и парень. Черноволосый, худой, глаза карие, – пожал плечами Алексей.

– Пошли, посмотрим на твою находку, – решительно поднялся Васильев.

– Не сейчас, – остановил его Алексей. – Давайте подождем, пока он в себя придет. В любом случае, без вас нам не обойтись. Он английского не понимает. И русского тоже. А вы у нас, Олег Борисович, полиглот, вам и карты в руки. К тому же там пурга такая, что вас просто с ног снесет.

– Как пурга? Откуда? – не понял Васильев.

– Я вас потому от скалы днем и увел, – улыбнулся Алексей. – Видел, что погода портится.

– Выходит, ты меня снова от неприятностей спас? – растерянно улыбнулся профессор.

– Да какие это неприятности, – отмахнулся Алексей. – Так, мелочи. Вы бы отдохнули, Олег Борисович. Вон уже глаза от усталости ввалились.

– Пожалуй, вы правы, Алексей. Отдых мне не помешает, – кивнул Васильев, принимаясь шарить руками по карманам.

– На лбу, – коротко подсказал Алексей, осторожно возвращая профессорские очки на место.

Уложив Васильева отдыхать, Алексей заботливо накрыл его одеялом и, выключив лампы, улегся сам. Но спать не хотелось. Где-то в районе затылочной впадины образовался холодный комочек – первый и самый верный сигнал близких неприятностей. Он давно уже заметил за собой такую особенность. Еще до службы в армии.

Как только впереди маячили жизненные сложности, так в затылке у Алексея сразу становилось холодно. Словно его организм заранее знал, что ему готовится очередная пакость, и предупреждал о ней Алексея. Именно это чувство и прогоняло сейчас от него сон. Что-то должно было случиться, и очень скоро. Поворочавшись с боку на бок, Алексей сел и, достав из пачки очередную сигарету, закурил.

Сам Васильев не курил, но совершенно равнодушно относился к чужим слабостям, с усмешкой отвечая, что после всего, что ему пришлось вынести в жизни, убить его дымом слишком сложно. Прислушиваясь к тихому посапыванию профессора, Алексей подумал, что судьба преподнесла ему удивительный подарок. Не имея ни денег, ни особого образования, он ездит по всему свету и становится свидетелем странных, можно сказать, удивительных открытий.

* * *

Стоя в роскошном кабинете хозяина, Лиза со все возрастающим раздражением слушала бесконечное нытье матери-настоятельницы. Ну какое отношение устав монастыря имеет к ее работе? При чем тут общепользные работы, если речь идет о науке? Тем временем мать-настоятельница все продолжала брюзжать тихим, ровным голосом. На одной ноте, как назойливая, надоедливая муха, которую хотелось прихлопнуть одним резким движением и насладиться несколькими минутами благословенной тишины.

⁶ Sicherheitsdienst (*нем*) – подразделение СС, занимавшееся эвакуацией сокровищ в Германию и из нее.

Сам хозяин слушал настоятельницу, сидя в роскошном кожаном кресле и задумчиво попыхивая дорогой сигарой. Как зовут этого пожилого, ухоженного мужчину, Лиза не знала, как, впрочем, не знал и никто из длинной череды подчиненных. Все называли его одним коротким, емким словом «хозяин». И он действительно был хозяином. Оспаривать его решения не осмеливался никто. Наказание за такую глупость было простым и коротким: глупец просто исчезал, словно его никогда и не было.

Резкие, словно рубленые черты лица, совершенно седые, тщательно уложенные волосы, сухощавое тело и пронзительные синие глаза заставляли сразу проникаться уважением к этому человеку. Плюс почти осязаемая аура власти и огромных денег. Любому достаточно было взглянуть на отлично сшитый костюм, кожаные туфли и бриллиантовую заколку для галстука, чтобы понять, что с этим человеком нужно разговаривать стоя.

Размышляя, Лиза чуть не упустила момент перелома в ходе их спора. Хозяин стряхнул в золотую пепельницу пепел с сигары и, вздохнув, спросил:

– Как идут работы над вашей теорией, фройляйн Лиза?

Голос его звучал негромко, но этого хватило, чтобы настоятельница вздрогнула и, осекшись на полуслове, растерянно покосилась на стоявшую рядом Лизу.

– Плохо, хозяин. Я потому и осмелилась просить личной встречи, что мать-настоятельница не в состоянии пойти на предлагаемые мною изменения. Для эксперимента нужны здоровые, полноценные особи, а не заморенные работой доходяги. Но она продолжает делать все по-своему. В итоге огромное количество времени и препаратов тратятся впустую.

– Устав нашего ордена гласит... – снова завела свою волюнку настоятельница, но хозяин, кашлянув, заставил ее замолчать.

– Думаю, фройляйн Лиза не хуже нас с вами знает устав монастыря. Она выросла в нем. Что вы предлагаете, фройляйн?

– Предварительный недельный отдых с усиленным питанием для отобранных мною лично особей. Только так мы сможем получить хоть какой-то результат, – решительно ответила Лиза, мысленно холодея от собственной наглости.

– Вы настаиваете на таком разрешении вашего спора?

Вопрос прозвучал неожиданно, и для Лизы даже несколько зловеще. Усилием воли заставив себя не вжимать голову в плечи под этим долгим, пронизывающим взглядом, Лиза дала себе несколько секунд на размышление и, кивнув, решительно ответила:

– Да. Я настаиваю. Все дело в том, что на данном этапе отбор особей производится без должного осмотра и контроля состояния здоровья. Если это буду делать я, то положение обязательно изменится в лучшую сторону.

– Первая заповедь любого руководителя – это умение добиваться нужного результата от своих подчиненных, а не делать все самому, – наставительно ответил хозяин.

– Если хочешь, чтобы было сделано хорошо и правильно – сделай сам, – в пику ему ответила Лиза.

От такой наглости мать-настоятельница тихо ахнула и, задохнувшись, уставилась на нахалку горящим от возмущения взглядом. Чуть усмехнувшись, хозяин кивнул, словно принимая ответ, и, помолчав, вынес решение:

– С этого дня фройляйн Лиза будет сама отбирать необходимый ей для работы материал. Вы, матушка, обеспечите ее всем необходимым. Неделя безделья нескольких особей никоим образом не повлияет на благосостояние ордена и монастыря. Но вы, фройляйн Лиза, осмелились высказаться слишком резко в адрес ваших соратников. Это недопустимо.

– Прошу простить меня, хозяин. Меня очень раздражают совершенно неоправданные задержки в работе, – попыталась извиниться Лиза.

– Ваше раздражение – не повод для подобных высказываний в моем кабинете, – все тем же ровным голосом ответил хозяин. – Вы будете подвергнуты наказанию.

– Но, хозяин!..

– Это не оговаривается, – осадил ее хозяин. – Вы будете подвергнуты телесному наказанию, которое применяется ко всем воспитанникам монастыря. Двадцать ударов розгами. Это напомнит вам о вашей юности и позволит получше запомнить, где и как себя надо вести.

Глаза настоятельницы загорелись блеском удовлетворения при словах о наказании, но он тут же сменился кислой миной, когда хозяин добавил:

– Наказание будет осуществлено здесь и сейчас.

Это совсем не устраивало настоятельницу. Спустить с заносчивой сучки шкуру в стенах монастыря – вот о чем она мечтала, а теперь ее мечты пошли прахом. Здесь, в зимней резиденции хозяина, все будет сделано так, как прикажет хозяин. Раз он сказал двадцать горячих – их будет ровно двадцать, и ни ударом больше.

Тщательно наманикюренный палец хозяина небрежно коснулся головы фигурки Будды. В ту же минуту дверь кабинета бесшумно отворилась, и на пороге появились два громылы. Светловолосые, голубоглазые, они казались братьями-близнецами.

Подчиняясь едва заметному знаку хозяина, они грубо ухватили Лизу и вынесли ее из кабинета. Протащили по коридору, спустились в подвал, небрежно швырнули свою жертву в какой-то бетонный мешок и захлопнули железную дверь. Едва удержавшись на ногах, Лиза огляделась и невольно вздрогнула. Больше всего комната напоминала средневековую камеру пыток. Не хватало только пылающего очага в углу и дыбы под потолком.

Кроме Лизы, в камере были еще четыре девицы – в кожаных штанах и таких же безрукавках. Высокие, мускулистые, они больше напоминали парней, нежели женщин.

«Вечеринка в стиле садо-мазо», – мелькнула у Лизы крамольная мысль, но в следующую минуту ей стало не до шуток.

– Раздевайся и ложись сюда, – приказала одна из девиц, указывая на узкую скамью из едва оструганных досок.

– Как раздеваться? – мрачно уточнила Лиза, имея в виду, нужно ли снимать белье.

– Быстро, – последовал ответ, и она поняла, что юмор здесь очень своеобразный. – Не тяни резину, если не хочешь, чтобы твои шмотки превратились в рваные тряпки.

Сообразив, что спорами, а уж тем более сопротивлением, она только ухудшит свое положение, Лиза быстро скинула рубашку и джинсы. Дождавшись, когда она разделенется донага, девица указала на скамью, коротко повторив:

– Ложись.

Сжав зубы, Лиза легла на доски лицом вниз и, закрыв глаза, заставила себя расслабиться. Она по опыту знала, что порка легче переносится при расслабленных мышцах. В воздухе свистнула розга, и Лиза невольно вздрогнула, когда ее ягодички обожгло. Удары сыпались на ее пятую точку размеренно и сильно. Так сильно, что после седьмого удара Лиза не смогла сдержать стон.

Стоявшие рядом с топчаном девицы, внимательно следившие за поркой, только мрачно хмыкнули, услышав этот звук. Судя по всему, такие экзекуции здесь проводились регулярно, и Лиза подумала, что они наверняка заключают пари на выдержку жертвы. Отсчитав ей ровно двадцать горячих, экзекуторша отбросила измочаленную розгу и, отступив в сторону, приказала:

– Одевайся и выходи. Тебя проводят.

Кое-как натянув джинсы на саднящие ягодички, Лиза застегнула рубашку и, пряча набежавшие на глаза слезы, шагнула к дверям. Стоявшие у топчана девицы переглянулись. Заметив их порозовевшие щеки и влажный блеск глаз, Лиза догадалась об их предпочтениях, и тихо порадовалась, что приказы здесь выполняются от буквы до буквы. Позволь им хозяин хоть немного вольности, и не миновать бы ей изнасилования.

– Классная попка, – услышала она вслед и, не выдержав, выскочила из пыточной.

Приведшие ее сюда шкафы стояли в коридоре словно каменные изваяния. Похоже, у этих ребят эмоций не было вообще. Увидев Лизу, они дружно развернулись и зашагали к лестнице. Глядя на синхронность их движений, Лиза невольно задумалась, уж не роботы ли это.

Громили довели ее до машины и, как только Лиза уселась в салон, зашагали обратно. Глядя на их широкие, как письменные столы, спины, Лиза подумала, что проверять ее теорию лучше всего было бы вот на таких бугаях. Эти способны выдержать любые опыты, не поморщившись. Сидевшая на заднем сиденье настоятельница не сводила с нее мрачного взгляда, пытаясь угадать, о чем думает эта упрямая сучка.

Но Лиза упрямо продолжала смотреть в сторону резиденции хозяина, словно не замечая присутствия за спиной своей противницы. Наконец не выдержав, настоятельница ехидно пропела:

– Надеюсь, тебе не очень больно?

– Переживу. Стимуляция кровообращения еще никому не приносила вреда, – не осталась в долгу Лиза, даже не делая попытки оглянуться.

Сидевший за рулем водитель, в стандартной черной униформе, вежливо откашлялся и, глянув назад, спросил:

– Куда прикажете, матушка?

– В монастырь, – коротко приказала настоятельница, и водитель запустил двигатель джипа.

* * *

Штурмфюрер Хайнц стоял навтыжку перед хозяином и, выслушивая его разглагольствования о своей некомпетентности, мрачно думал, что неплохо было бы сейчас передернуть затвор автомата и полюбоваться разом побледневшей физиономией старого дурака, умеющего только деньги делать. Хайнц давно уже пришел к выводу, что такие, как хозяин, всегда остаются на плаву, предоставляя сомнительную честь пачкаться в дерьме таким, как он.

Но Хайнцу также было хорошо известно, что его мечты останутся мечтами. Ему просто некуда было идти из этих стылых гор. С раннего детства он жил здесь, постигая науку выживания в горах и обучаясь всему, что должен знать настоящий солдат. Школу он закончил здесь же, при монастыре. Дальше учиться ему не позволили. Солдату незачем быть слишком грамотным. Главное, чтобы он точно и четко выполнял приказы.

Обучение же воинским премудростям Хайнц получал особо. Их группой занимался человек, прошедший подготовку в разведшколе времен Второй мировой войны и умевший не просто убивать или причинять боль, а возведший эти действия в настоящее искусство. С ранней юности подростков готовили к тому, что им придется обеспечивать охрану монастыря, рудника и всей прилегающей к ним территории.

Небольшой серебряный рудник, разрабатывать который начали еще в незапамятные времена местные монахи, обеспечивал обитателей монастыря необходимыми средствами. Кроме того, хозяин сумел провернуть несколько сделок, удачно вложив добытое серебро. Дослужившись до начальника службы охраны, Хайнц понял, что деньги, идущие на обеспечение монастыря, – ничто, по сравнению с тем, что утекает в карманы самого хозяина и пускается на воздух. Точнее, в обеспечение какого-то странного проекта, от которого нет никакого толку.

Побег одного из послушников стал причиной сегодняшнего разноса, а его самоубийство вызвало сильное недовольство хозяина, который просто не верил, что номер тысяча сто одиннадцать осмелился совершить такое.

– Как вы могли допустить, чтобы отличный образчик покончил с собой? Я не могу поверить, что он это сделал. Признайтесь, Хайнц, вы сами прикончили его ради развлечения, а потом просто скинули в реку.

– Нет, хозяин. Захоти мы повеселиться, вполне могли бы сделать это здесь, в монастыре. Такое веселье послужило бы примером остальным. Он прыгнул с обрыва сам. Меня и самого это очень удивило, ведь программа подавления воли очень редко дает подобные сбои, – медленно, словно подбирая слова, ответил Хайнц.

– Вы уверены, что объект погиб? – не унимался хозяин.

– Уверен. После такого прыжка никто не может остаться в живых.

– Разве вы видели тело? – иронично усмехнулся хозяин.

– Нет. Тела мы не видели.

– А что гласит восьмой параграф устава службы охраны?

– Что любой бежавший объект должен быть возвращен обратно живым или мертвым для сохранения режима секретности, – ответил Хайнц, чувствуя, что совершил ошибку, не отправив людей искать труп.

– Вот именно. Живым или мертвым. Вы все поняли, штурмфюрер?

– Все, хозяин. Разрешите приступить к поискам?

– Возьмите вертолет. Река могла унести тело далеко, так что не теряйте времени, Хайнц, – ответил хозяин, царственным жестом отпуская его.

Выскочив из кабинета, Хайнц командирским рыком погнал своих подчиненных готовиться к вылету и, спустившись в жилые коридоры, без стука распахнул дверь комнаты пилотов. Увидев Хайнца, оба парня мрачно переглянулись и, поднявшись с коек, нехотя вытянулись во фронт.

– Готовьте машину к вылету. Взлет через десять минут. Заправка полная. Инструкции получите в воздухе, – коротко приказал Хайнц и, не дожидаясь вопросов, вышел из комнаты.

Пилоты не понаслышке знали, что шутить с ним себе дороже, и через десять минут вертолет был готов к взлету. Штурмовая группа из пяти бойцов, вооруженных автоматами хеклер-кох и пистолетами «Глок-19», привычно заняла свои места. Подчиняясь кивку Хайнца, пилоты подняли машину в воздух и медленно повели вертолет вдоль устья реки. Глядя на каменистые берега, Хайнц думал, что вся это затея – не больше чем глупая суета.

При прыжке в горную реку с высоты около тридцати метров выжить было просто невозможно. Но приказы, как известно, не обсуждают. Если уж хозяину так хочется полюбоваться на труп того сопляка, Хайнц доставит ему такое удовольствие.

Километров через тридцать река делала резкий поворот, и на образовавшейся отмели валялась куча всякого мусора.

Приказав пилотам сделать над этим местом круг для осмотра, Хайнц заметил на песке какие-то следы и, подумав, велел садиться. Быстро переглянувшись, пилоты осторожно посадили машину на песок. Выскочив на берег, Хайнц прошелся вдоль следов и, присев на корточки, удивленно покачал головой.

– Что-то не так, командир? – услышал он вопрос своего капрала и, повернувшись, ответил:

– А ведь щенок умудрился выжить. Уму непостижимо, как такое случилось, но это его следы.

– Почему вы так решили? – не понял капрал.

– След от ладони явно не взрослого человека. Кроме того, местные не рискуют лезть в реку в это время года. Они вообще редко здесь бывают. Так что, кроме нашего ублюдка, больше этот след оставить было некому. Собирайте группу, попробуем пройти по следу.

Велев пилотам заглушить двигатель и ждать их возвращения, Хайнц повел боевиков по следу беглеца. Но уже за следующим поворотом следы терялись на камнях. Осмотревшись, Хайнц решил двигаться дальше. По этой тропе двигаться можно было только вперед или назад. По обе стороны расселины, по которой они шли, возвышались голые скалы.

Прошагав еще километров пять, они наткнулись на палаточный лагерь, и Хайнц, велел парням скрыться, принялся наблюдать за поселенцами. К его удивлению, над лагерем колыхались сразу три флага: английский, немецкий и русский. Рассмотрев в бинокль оборудование, Хайнц уселся за валун и, вздохнув, принялся размышлять, что делать дальше.

Осторожно подобранный к нему капрал, присев рядом, тихо спросил:

– Кто они такие, командир?

– Судя по всему, какая-то научная экспедиция. Состав интернациональный, есть даже наши соотечественники.

– И что будем делать?

– Думаю.

– Может, стоит с ними просто поговорить? Скажем, что ищем сбежавшего преступника. Мы в униформе и с оружием, так что можно попробовать выдать себя за полицию или тому подобную контору.

– Это может сработать. В крайнем случае положим всех мордами на камни. Но учтите: без команды не стрелять, баб не шупать и вообще вести себя так, словно мы представители властей. Помните: про монастырь никто не должен знать! – принял решение Хайнц, поднимаясь на ноги. – Если наш ублюдок здесь, забираем его и уходим. Никаких лишних слов и движений.

Бойцы молча кивнули и, переведя автоматы в боевое положение, выстроились в цепочку следом за ним. На всякий случай передернув затвор, Хайнц сдвинул автомат под локоть и решительно шагнул на тропу. Обитатели лагеря не замечали боевиков до тех пор, пока Хайнц не ухватил ближайшего олуха за плечо и, развернув лицом к себе, не прорычал:

– Полиция Непала, мы ищем беглого преступника. Мальчишка лет четырнадцати-пятнадцати. Худой, волосы и глаза черные. Вы видели его?

– Нет. Я никого не видел, и вы не полиция, – неожиданно вырвавшись, во весь голос завизжал схваченный.

Его крик всполошил весь лагерь. Обитатели начали выскакивать из палаток, хватая первое, что попадалось под руку. Сообразив, что их затея провалилась, Хайнц вскинул автомат и, дав в воздух короткую очередь, в полный голос заорал:

– Не двигаться, полиция! Любой, кто попытается оказать сопротивление, будет убит на месте.

– Это не полиция, это бандиты! – раздался ответный крик, и поселенцы кинулись в разные стороны.

Заметив, что молодая девушка судорожно набирает номер на спутниковом телефоне, Хайнц одним плавным движением навел на нее ствол и, недолго думая, всадил ей пулю в бедро. Не смертельно, но от ненужных мыслей отвлекает сразу. Вскрикнув, девушка выронила телефон и рухнула на камни. В ту же секунду в Хайнца, словно торпеда, врезалось чье-то тело, сбивая его с ног.

Не ожидавший нападения начальник охраны споткнулся и, рухнув на бок, ударился головой о камень. В глазах потемнело, но оружия он из рук так и не выпустил. Тяжелый удар кулака едва не отправил Хайнца в беспамятство, и он, не раздумывая, ткнул растопыренными пальцами куда-то в район лица нападавшего. Подлый прием, но в вульгарной драке на выживание не бывает правил.

Нападавший скатился с Хайнца и, вскочив на ноги, метнулся в сторону. Звучно хлестнули два выстрела, и капрал, утробно крякнув, схватился за живот, моментально бледнея и медленно оседая на землю. Встав на колено, Хайнц вслепую выпустил вслед убежавшему полмагазина, стараясь прижать его к земле и дать своим людям рассредоточиться, чтобы взять противника в клещи.

Но парень оказался не промах. Кенгурячьим прыжком он перелетел через валун, и в ответ на стрельбу Хайнца раздались еще два выстрела – и еще один из его парней рухнул на камни, обливаясь кровью.

– Да откуда ты взялся на мою голову, – зарычал Хайнц, вскакивая на ноги.

Раздался еще один выстрел, и штурмфюрер, покачнувшись, рухнул навзничь. Дальше навалилась темнота, и все померкло.

* * *

Следующие два дня Алексей был занят своими обычными делами. Найденыш только и делал, что ел и спал. К удивлению доктора и всех остальных, перелом заживал ударными темпами. Конечно, без рентгеновской установки понять это было сложно, но доктор, бывший военврач, и так, по внешнему виду ноги, уверял, что с пареньком все в порядке. Даже отек после перелома уже начал спадать, хотя обычному человеку на этого потребовалась бы пара недель.

На третий день Алексей с самого утра не мог найти себе места. Пользуясь тем, что профессор Васильев и основная масса его коллег из общей палатки даже носа не высовывали, поскольку тщательно осматривали, ощупывали и обнюхивали свою находку, Алексей прихватил ледоруб и, выбравшись из лагеря, отправился бродить по окрестностям.

Внимание его привлек вертолет, шедший на малой высоте, явно что-то высматривавший. Не заметив на бортах вертолета никаких опознавательных знаков, Алексей притаился за валуном и с удивлением понял, что вертолет заходит на посадку.

«Вот только бандитов нам и не хватало», – подумал Алексей при виде шестерых вооруженных автоматами мужчин, высаживающихся из машины – черная униформа, одинаковое оружие, и даже похожая внешность.

«Двое из ларца, одинаковых с лица, – усмехнулся про себя Алексей. – Вот только какого черта им здесь нужно?»

Сидя за валуном, он видел, как неизвестные бойцы долго высматривали что-то на отмели, а потом медленно двинулись в сторону лагеря. Алексей оглянулся на вертолет и, увидев, что пилоты заглушили двигатель, понял, что прилетевшие двигаются по какому-то следу. Странное занятие, если учесть недавнюю пургу и каменную крошку, сплошным ковром устилавшую дно расселины.

Бесшумно двигаясь за пришельцами, он все больше убеждался, что добром их появление не кончится. А когда они вышли к лагерю с оружием, подготовленным к стрельбе, все сомнения окончательно отпали. Дальше события начали развиваться с невероятной быстротой.

Молодой сотрудник немецкой экспедиции, которого самый здоровенный бандит ухватил за плечо, вдруг вырвался и завопил на весь лагерь:

– Это бандиты!

Алексей был с ним полностью согласен. И пришельцы их не разочаровали. Короткая автоматная очередь заставила поселенцев броситься врассыпную. Сжав в руке ледоруб, Алексей дожидался удобного момента для внесения в разборку своих корректив. Но когда главарь выстрелил в Берту, Алексей не выдержал.

Метнувшись к главарю, он с разбегу, в прыжке, сбил того с ног. Пробегая мимо еще одного боевика, он на ходу врезал ему по голове ледорубом, даже не заметив, что удар пришелся плашмя. Сбив главаря с ног, Алексей пару раз успел от всей своей широкой души приложиться к его организму кулаком и, едва увернувшись от тычка в глаза, метнулся в сторону, успев выхватить из его кобуры пистолет.

Добежав до ближайшего валуна, Алексей упал на бок и, выдернув обойму, с удовольствием цокнул языком. «Глок-19» – машинка что надо, недаром его предпочитают все зару-

бежные силовые и бандитские структуры. Сняв оружие с предохранителя и привычным движением передернув затвор, Алексей перевернулся на живот и, высунувшись из-за валуна, дважды нажал на курок.

«Один есть», – отстраненно подумал он, увидев падающую фигуру.

В ответ вокруг защелкали пули. Дождавшись паузы, Алексей сделал еще два выстрела и с удовольствием понял, что не растерял былых навыков – еще один бандит рухнул на камни. Автоматные очереди загрели с новой силой и, тихо чертыхнувшись, Алексей попытался сменить позицию. Но, чуть шевельнувшись, с ходу понял, что такое предприятие чревато неприятными последствиями. Ему даже головы не давали поднять. А самое неприятное, что оставшиеся в живых уже пытались взять его в клещи.

Откатившись на другую сторону валуна, Алексей быстро осмотрелся, пытаясь по треску очередей определить местонахождение противников. Но гулкое эхо сильно мешало. Плюнув на осторожность, он перекатился на бок и, недолго думая, выпустил еще две пули в командира нападавших, так и не ушедшего в укрытие. Стрельба резко смолкла, но через секунду возобновилась с новой силой.

Вжавшись в землю, Алексей мечтал только об одном: чтобы у них побыстрее кончились патроны и нападающие вынуждены были заменять рожки. Тогда у него появится шанс закончить этот спор одной короткой серией. Прислушиваясь к стрельбе, он внезапно понял, что они уходят. Бандиты стреляли только затем, чтобы удержать его на месте, прикрывая свой отход. Прикинув, что такое положение дел можно считать победой, Алексей раздумал подниматься.

Когда стрельба стихла, он выждал еще пару минут и осторожно выглянул из-за валуна. Его догадка оказалась верной: бандиты отступили, бросив своих убитых. Последнее устраивало Алексея как нельзя больше. Главное, чтобы вместе с убитыми они бросили и их оружие. Алексей всегда чувствовал себя в экспедициях будто голым. Ракетницу и старое охотничье ружье он за оружие не считал. Особенно если учесть, что из ружья последний раз стреляли лет двадцать назад.

Направив зажатый обеими руками пистолет в сторону расселины, откуда нападавшие пришли, он подбежал к ближайшему телу и, сняв с него все оружие, направился к следующему. Собрав все трофеи, Алексей сменил пистолет на автомат и, подойдя к главарю, толчком ноги перевернул тело на спину. Присев на корточки, расстегнул на нем куртку, пытаясь найти что-нибудь, что могло рассказать ему об этих людях.

Неожиданно главарь вздохнул и тихо застонал. Быстро повернув его голову набок, Алексей качнул головой и мрачно усмехнулся:

– Что такое повезло, и как это исправить.

Сорвав с раненого ремень, он перевернул главаря на живот и, скрутив ему руки за спиной, оценивающе покосился в сторону лагеря. Вставал вопрос, как поступить дальше? Дождаться, пока придет в себя, и допросить на месте, или переть этого кабана до лагеря на себе? Еще раз осмотрев рану, Алексей принял соломоново решение: очухается – сам дойдет. Голова бандита была цела – пуля прошла вскользь, только контузив его.

К Алексею подошел доктор и, удивленно покосившись на пленника, спросил:

– Неужели живой?

– Контузия. Семь пуль в голову, мозг не задет. Так можете в анамнезе и записать, – усмехнулся в ответ Алексей.

– Поделишься? А то с этим много не навоеешь, – пожаловался доктор, демонстрируя ему хирургический скальпель.

– Держите, – улыбнулся Алексей, протягивая один из автоматов. – Доводилось с таким встречаться?

– Скажем так, и с таким тоже, – усмехнулся в ответ доктор, ловко выщелкивая магазин и проверяя количество патронов.

– Отлично, тогда держите на прицеле вон тот проход. Хрен его знает, сколько их там еще в вертолете сидит.

– Вертолет? Какой вертолет? Откуда? – растерялся врач.

– А бес его знает, откуда он тут взялся. На излучине сел. Судя по всему, они за нашим найденышем пришли.

Их беседу прервали самым неприличным образом. Разбежавшиеся сотрудники экспедиций, убедившись, что вестерн закончился, дружно бросились выяснять, что же произошло, и как такое безобразие было допущено вообще. Больше всех визжали и топали ногами англичане. Привыкшие, что на каждый их чих прилетает полиция, они требовали немедленно связаться с властями и потребовать от них объяснений.

Посмотрев на этих убогих со смесью удивления и презрения, Алексей повернулся к доктору и, кивая на пленника, спросил:

– Где этого гуся допрашивать будем?

– Думаю, лучше у меня в амбулаторной палатке. И на отшибе, и все нужное найдется, – пожал плечами доктор, жестко усмехнувшись.

– Тогда покарауйте его, а я сбегаю посмотрю, что там с нашими друзьями.

Кивнув, доктор встал над пленником, взяв того под прицел. Уверившись, что здесь все будет как надо, Алексей рысью двинулся в расселину. Стараясь держаться под скалой, он добрался до излучины. Увидев, что вертолет улетел, Алексей мрачно покачал головой:

– Похоже, это еще не конец истории.

Вернувшись к лагерю, он застал всех участников экспедиций в состоянии полномасштабной истерики. Спокойствие умудрились сохранить только доктор и профессор Васильев. Один – вследствие своей профессии, второй – в силу жизненного опыта. Говорили сразу все, даже не пытаясь слушать друг друга. Полюбовавшись на этот бедлам, Алексей поднял автомат и, подумав, сделал одиночный выстрел.

В лагере воцарилась мертвая тишина. Обведав перепуганных до икоты людей долгим, задумчивым взглядом, Алексей вздохнул и, помолчав, громко сказал:

– Нападавшие ушли. Это не полиция и не войска. Это вообще непонятно кто. Но у нас есть пленник, и мы с доктором намерены выбить из него информацию. А теперь я прошу всех разойтись по своим местам и собрать вещи. Все, что может вам потребоваться для долгого перехода по горам. Я вполне допускаю, что нам придется срочно покинуть это место.

– Кто дал вам право командовать?! – тут же возмутился английский профессор, имени которого Алексей так и не удосужился узнать. – По какому праву вы вдруг отдаете нам приказы?

– По праву человека, отбившего нападение. Впрочем, если хотите, можете оставаться и решать свои проблемы самостоятельно, – пожал плечами Алексей.

– Откуда у вас оружие? – не унимался профессор.

– Трофеи.

– Вы должны немедленно сдать его. В нашем лагере не должно быть оружия. Это опасно.

– Вы действительно идиот, или так талантливо прикидываетесь? – поинтересовался Алексей, словно невзначай смещая ствол в сторону англичанина. – Без этого оружия вас бы всех уже расстреляли.

– Его не должно быть в лагере, – упрямо повторил профессор, опасливо отодвигаясь.

– В вашем лагере его и не будет, – пожал плечами Алексей.

– Отдайте его мне, – потребовал профессор не терпящим возражений тоном.

– Тебе надо – пойди и добудь, – фыркнул Алексей, которому этот глупый спор уже начал действовать на нервы.

Но англичанин оказался упрямее, чем можно было подумать. Развернувшись к Васильеву, он обвиняющим жестом упер палец ему в грудь и решительно заявил:

– Это ваш подчиненный, профессор. Заставьте его отдать оружие.

– Убери лапу, козел, или я тебе сейчас яйца отстрелю, – зарычал в ответ Алексей, ткнув стволом в ухо англичанину.

– Леша, убери ствол, – строго приказал Васильев. – А вы, мистер Спенс, успокойтесь и попытайтесь рассуждать логически. Никто из вас толком с оружием обращаться не умеет. Алексей и доктор служили в армии и знают, что и как нужно делать. Так что лучшим вариантом в данной ситуации будет, если оружие останется у них. Кроме того, Алексей, бывший участником вооруженного конфликта, лучше всех представляет, когда и куда нам лучше будет уйти. Поэтому я предлагаю на время осадного положения все бразды правления передать ему.

Возмущенно фыркнув, Спенс сверкнул глазами и, упрямо тряхнув головой, ответил:

– Я не допущу, чтобы мной командовал какой-то армейский недоумок.

– Это ваше право. Моя экспедиция будет действовать именно так, – решительно ответил ему Васильев.

– А Берту кто-нибудь перевязал? – вдруг спросил Алексей, вспомнив про раненую девушку.

Собравшиеся растерянно переглянулись. Быстро обойдя толпу, Алексей решительно направился туда, где упала девушка. Во время перестрелки Берта успела отползти за камни, и теперь зажимала рану руками, тихо всхлипывая сквозь плотно сжатые зубы. Увидев Алексея, она вздрогнула, но, узнав его, попыталась улыбнуться.

– Вестерн кончился?

– Один – ноль в нашу пользу, – усмехнулся он в ответ и, бегло осмотрев рану, добавил: – Ничего, наш доктор заштопает так, что скоро бегать будешь.

Забросив автомат за спину, он осторожно взял девушку на руки и быстро понес к палатке доктора. Обхватив его шею руками, девушка доверчиво прижалась к груди своего спасителя, подозрительно хлюпая носом. Уложив ее на топчан, где еще пару дней назад лежал его найденный, Алексей осторожно погладил Берту по щеке и тихо сказал:

– Потерпи, сейчас я доктора пришлю.

Выскочив на улицу, он бегом вернулся к еще спорящей толпе и, не обращая на них внимания, быстро сказал:

– Доктор, там Берте ваша помощь требуется. Прострелено левое бедро. Пуля прошла с внешней стороны.

– Значит, жить будет, – кивнул доктор с философским видом.

– А с этим что делать будешь? – спросил Васильев, тыча пальцем в пленника.

– Сейчас к нам отведу и допросим, – пожал плечами Алексей.

– Он же без сознания, – растерялся Васильев.

– Да очухался уже давно. Прикидывается. Пытается решить, что дальше делать, – рассмеялся доктор, легонько подталкивая пленника носком ботинка в плечо.

– Вы уверены... – снова влез в разговор англичанин, но Алексей не дал ему договорить.

Быстро нагнувшись, он ухватил пленника за ушную раковину, сжал ее в горсть и, едва не отрывая, резким движением заставил того подняться. Не ожидавший такого фокуса бандит едва слышно застонал от боли и, послушно встав на колени, выругался:

– Славянский ублюдок!

– Чего он там бурчит? – повернулся Алексей к Васильеву.

– Славянским ублюдком тебя назвал, – перевел профессор.

– Зато ты у нас представитель великой арийской расы, тварь фашистская! – не остался в долгу Алексей.

Его слова вызвали заметное оживление среди немецкой части собравшихся. Профессор Спенс, не удержавшись, презрительно фыркнул:

– Чего еще можно ожидать от солдафона, да еще и русского...

– Если ты, мразь, не заткнешься, я тебе руки с ногами местами поменяю, – зарычал в ответ Алексей, еще сильнее сжимая ухо главаря.

Подняв пленника на ноги, он ткнул его автоматом в спину и, не обращая внимания на остальных, повел в сторону российской части лагеря. Затолкав бандита в амбулаторную палатку, Алексей быстро привязал его к топчану и, заткнув пленнику рот, отправился в палатку доктора, где оставил Берту. Девушка сейчас интересовала его намного больше бандита.

Войдя к доктору, он открыл было рот, чтобы поинтересоваться, как у нее дела, когда Берта, ойкнув, попыталась прикрыться собственной курткой – чтобы как следует осмотреть рану, доктор заставил ее снять джинсы. Быстро отвернувшись, Алексей коротко извинился, про себя отметив, что ножки у нее что надо.

– Все в порядке. Я не сразу поняла, что это ты, – бледно улыбнулась Берта.

– Стучаться надо, – сварливо добавил доктор, продолжая обрабатывать рану.

– Если только головой о центральный столб, – усмехнулся в ответ Алексей. – Что там у нее?

– Я же сразу сказал: жить будет. Пуля навывлет прошла. Шкурку очаровательную сейчас заштопаю, и будет как новенькая. Пару месяцев похромает, а потом и думать об этой царапине забудет.

– Хоть что-то хорошее за весь день, – вздохнул Алексей.

– Что вы собираетесь с тем бандитом делать? – тут же влезла в разговор Берта.

– Допросим, а дальше видно будет, – пожал плечами доктор, бросая на Алексея выразительный взгляд.

– Алексей, а где вы так стрелять научились? – не сдержала любопытства девушка.

«Похоже, ее любопытство переживет ее самое», – подумалось Алексею.

– В армии, – поморщился он.

– Алексей, я, может быть, и не самый большой знаток России, но я не дура. Так действовать вы могли научиться только в одном месте. На Кавказе. Других вооруженных конфликтов ваша страна не ведет. Ну, или если вы представитель спецслужб. Вы воевали?

– Пришлось, – нехотя признался он.

– Я так и думала.

– Учись, приятель. Бабы умудряются такие вещи угадывать, что никакому шпиону и в страшном сне не привидится. Особенно, если это касается тех, кто им нравится.

– Чего?! – растерянно протянул Алексей, разворачиваясь к нему всем телом.

– С чего вы взяли? – охнула Берта, заливаясь краской.

– Эх, молодежь, – с усмешкой покачал головой доктор. – Думают, что никто о них ничего не знает, а у самих все на физиономиях маюскулом написано.

– Чем-чем? – с интересом переспросил Алексей.

– Маюскул – пропись заглавными буквами, – менторским тоном пояснил доктор.

– Так, я закончил. Теперь можешь отвернуться и дать девушке возможность спокойно одеться, – добавил он, ловко всаживая в бедро Берты шприц. – Пойдем, польешь мне на руки, – проворчал доктор, сунув в руки парню ковш для воды.

Пока доктор мыл руки, Берта успела одеться и, устроившись на топчане поудобнее, с нетерпением ждала их возвращения. Заметив мрачную мину Алексея, доктор понимающе усмехнулся и, кивая в сторону палатки, тихо сказал:

– Я ей пару кубиков димедрола вкатил. Так что через полчаса спать будет как убитая. Тогда и гостем нашим займемся.

– Теперь ведь не уймется, пока все не вытянет, – с тоской вздохнул Алексей.

– Ходи вокруг да около. Уснет, а там, глядишь, и забудет, – усмехнулся доктор.

– Ваши бы слова да богу в уши, – вздохнул парень.

– Не кисни, приятель. Все не так плохо. А вообще, дам тебе один совет: не пытайся от всего отказаться.

– Думаете, поможет?

– Мне помогло. Старайся вспоминать только веселое. Ну, не все же у вас было только плохое?

– Да нет... И веселое было, – подумав, кивнул Алексей.

– Вот об этом и вспоминай. Понимаешь, совсем забыть не получится. Это теперь в подкорке намертво сидит. Но вот задвинуть подальше – это можно.

– Вы прямо не полевой хирург, а личный психоаналитик, – усмехнулся Алексей.

– В Афгане кем только бывать не приходилось, – пожал плечами врач.

– Доктор, а зовут-то вас как? А то всю дорогу «доктор» да «доктор».

– Максим. Чаев Максим Робертович. Ну, Робертовича выговаривать долго, так что зови просто Максимом.

– Как скажете, – кивнул Алексей, подавая ему полотенце.

Мужчины вернулись в палатку, и доктор, заглянув Берте в глаза, удовлетворенно кивнул:

– Вас, милая девушка, лечить одно удовольствие. Организм работает как часы. Что ни говори, а у капитализма есть и хорошие стороны. За собственным здоровьем, например, следите так, что только позавидовать можно. Да и кровь молодая свое дело делает.

– А почему у вас не так? – тут же спросила Берта.

– Жизнь потому что собачья, – проворчал в ответ Алексей. – Вкальываешь как сволочь, а платят такие копейки, что только с голоду не сдохнуть. Куда уж тут за здоровьем следить. Да и в поликлиниках такие очереди, что ждать устанешь. Помню, сразу после службы, случай был. Желудок у меня разболелся, ну я к врачу и пошел. Сижу, приема жду. Напротив мужик сидел – лет тридцати-сорока, не больше. А очередь – еще часа четыре сидеть. Мимо по коридору какой-то врач проходил. Глянул на этого мужика, за плечо его тронул, а тот уже мертвый. Сердце прихватило, да только очереди он своей так и не дождался. Так и живем.

– Что-то ты разошелся, – удивился доктор.

– Да так, вспомнилось что-то, – отмахнулся Алексей.

– Из-за матери, – помолчав, кивнул доктор.

В его голосе прозвучал не вопрос, а утверждение. Покосившись на доктора непонятым взглядом, Алексей вздохнул и, помолчав, спросил у Берты:

– Сильно болит?

– Почти не болит. Спасибо.

– А почему ваш врач не пришел? – неожиданно спросил Алексей. – Я ведь при всех сказал, куда отнес тебя.

– Не знаю. Испугался, наверное. Он ведь никогда огнестрельных ран не видел, – улыбнулась девушка.

– Да уж. Зрелище не для слабонервных, – усмехнулся доктор. – Ладно, Берта. Вы пока отдохните, а у нас с Алексеем кое-какие дела.

Мужчины вышли из палатки, и доктор, устало вздохнув, закурил.

– Что-то не так? – насторожился Алексей.

– Не нравится мне это нападение.

– В каком смысле?

– В том, что организовано как-то неправильно. Пытались изображать из себя полицию, хотя внешне на местных похожи так же, как я на черепаху. Пока ты Берту на руках носил, я успел с тем пареньком, которого главарь схватил, переговорить. В общем, он твоим найденным интересовался. И кажется, это неспроста.

– И на вертолете опознавательных знаков не было. Даже на военных бортах номер пишут, а тут вообще ничего. А уж у полицейских-то надпись «полиция» везде намалевана, даже у здешних.

– Какие мысли?

– Кроме мата – никаких, – откровенно признался Алексей.

– Полностью присоединяюсь к предыдущему оратору, – усмехнулся доктор.

– Ну что, пойдём добычу твою потрясем? Может, чего интересного выпадет, – спросил доктор, гася окурок о подошву ботинка.

Алексей поправил ремень автомата, с которым теперь не расставался ни на минуту, и решительно направился туда, где находился пленник. Войдя в палатку, доктор с интересом оглядел дело рук Алексея и, одобритительно кивнув, проворчал:

– Грамотно. И не вырвется, и кровообращение не нарушено. В такую погоду за два часа без рук остался бы.

Пленник, старательно прислушиваясь к их разговору, быстро переводил взгляд с одного на другого. Бесцеремонно сорвав повязку с его рта, Алексей вынул нож и, привычно крутанув его в пальцах, спросил:

– Сам заговоришь, или для начала ремней из спины нарезать?

В ответ пленник буркнул что-то неразборчивое.

– Похоже, у нас новая проблема, – растерянно усмехнулся Максим. – Этот гаврик по-английски не понимает, а мы с тобой по-немецки ни в зуб ногой.

– Придется Васильева звать. Переводчиком, – вздохнул Алексей.

– Это к тебе. Я его никогда понять не мог, – решительно ответил доктор.

Кивнув, Алексей вышел из палатки и, быстро найдя профессора, в двух словах объяснил тому ситуацию. После происшествия Васильев на время забыл о своей находке и теперь прилагал титанические усилия, чтобы хоть как-то успокоить остальных членов экспедиции. Узнав, что пленника собираются допрашивать, Васильев напрягся и, кивнув, решительно зашагал в указанном направлении.

Буквально ворвавшись в палатку, он резко остановился у топчана, к которому был привязан пленник и, гневно сверкнув очками, спросил:

– Кто вы такие? И почему напали на нас?

– Пошел ты, – фыркнул в ответ бандит.

– Не спешите, Олег Борисович. Вы просто переводите то, что буду говорить я. Такие люди хорошего отношения не понимают, – сказал Алексей, снова доставая нож.

Мрачно покосившись на широкое лезвие, холодно блеснувшее в свете лампы, профессор отступил в сторону и, вздохнув, ответил:

– Я никогда не одобрял подобные методы, но, кажется, в данном случае это неизбежно.

– Это верно, – в тон ему вздохнул Максим.

С этого момента допрос повел Алексей. Сопротивлялся пленник не долго. Едва услышав, что они действительно пришли за мальчишкой, мужчины дружно переглянулись и снова повернулись к пленнику. Больше всего их интересовало, зачем тот нужен бандитам. Выслушав версию пленника, что мальчишка – беглец из тюрьмы, Алексей задумчиво покрутил в пальцах нож и, подойдя к бандиту, сорвал с бычьих плеч куртку.

На плече главаря красовалась точно такая же татуировка, как и у найденыша.

– Черный орден, – медленно протянул Васильев.

Голос его звучал глухо, словно он зачитывал собственный смертный приговор. Пленник понял его слова, даже несмотря на то что произнесены они были по-русски. С интересом покосившись на Васильева, бандит тихо спросил:

– Вы что-то знаете про этот символ?

– Многое, – нехотя кивнул Васильев. – Я пережил войну, и ребенком побывал в лагере смерти. В Дахау. Так что про подобные фашистские знаки мне известно очень многое.

– Жаль. Я надеялся, что можно будет обойтись малой кровью, – криво усмехнулся бандит.

– Как это? – растерялся профессор.

– Пристрелил бы только этого ублюдка, забрал мальчишку – и все. А теперь придется уничтожать все ваше сборище.

– И вы считаете, что вам это сошло бы с рук? – еще больше растерялся Васильев.

– И не такое сходило.

– О чем он там говорит? – настороженно спросил Алексей.

– Говорит, что хотел убить только вас и забрать мальчика, а теперь вынужден будет уничтожить всех, – быстро перевел профессор.

– Ну, кто кого положит, это мы еще посмотрим, – жестко усмехнулся Алексей. – С этими трещотками мы этих сволочей в мелкий винегрет нашинкуем.

– Собираешься воевать с целой армией? – презрительно усмехнулся пленник, выслушав перевод.

– Хватит врать. Будь у вас армия, об этом бы давно уже знали. Думаю, вас в лучшем случае не больше сотни. И только один вертолет, – ответил доктор, внимательно наблюдая за реакцией пленника.

– Вы тоже военный? – настороженно спросил бандит.

– Тоже. Так что нам достаточно будет просто уничтожить ваш транспорт, чтобы получить возможность спокойно увести отсюда людей.

– И куда вы пойдете? Это высокогорье, и уйти отсюда можно только двумя путями: по воздуху или козьими тропами. Так что рано или поздно вас все равно догонят и просто уничтожат. Впрочем, можете попробовать, это даже будет интересно, – иронично усмехнулся бандит.

Не удержавшись, Алексей резким ударом ботинка стер эту наглую ухмылочку с его лица. От сильного удара голова пленника откинулась назад, стукнувшись о подголовник топчана. Из разбитых губ потекла кровь. Охнувший от неожиданности Васильев, неодобрительно покосившись на своего помощника, грустно произнес:

– Не нужно быть излишне жестоким, Лешенька.

– А что прикажете с ним еще делать, Олег Борисович? Пряниками угощать? Сами же слышали, он не только меня, он всех расстрелять собирается. Еще и скалитесь, мразь. Видал я таких – на Кавказе. Улыбаются, а сами в футбол отрубленными головами играют.

Не ожидавший такого ответа профессор только растерянно оглянулся на доктора и, тяжело вздохнув, тихо проговорил:

– Я всегда надеялся, что та война закончилась, и я больше никогда с ее отголосками не столкнусь. Видать, не судьба.

– Не переживайте, Олег Борисович. Сам вырвусь, и вас отсюда выташу, – мрачно пообещал Алексей.

– У нас двое раненых, – задумчиво ответил Максим.

– Почему двое? – не понял Алексей.

– Мальчишка твой и Берта. Самое паршивое, что оба одноногие. Так что при отходе придется ориентироваться на них.

– Точно. Про нее-то я и забыл, – растерянно кивнул Алексей. – Так, Олег Борисович. Прикажете нашим срочно сворачиваться. Уходим прямо сегодня. Доктор, соберите все, что может потребоваться для оказания первой помощи в полевых условиях. Ну, вы понимаете. А я этим чучелом займусь.

– Что вы задумали, Алексей? – официальным тоном спросил Васильев.

– Вам этого знать не нужно, – решительно ответил парень. – На вас ответственность за всю экспедицию, так что богу богово, а кесарю кесарево.

– Выучили на свою голову, – рассмеялся Максим, беря профессора под руку и осторожно выводя на улицу.

Дождавшись, когда их шаги стихнут, Алексей снова заткнул пленнику рот и, связав ноги так, чтобы идти тот мог только мелкими, семенящими шагами, рывком за шиворот поставил на ноги. Указав стволом автомата на выход, он вывел пленника из палатки и, развернув в сторону расселины, повел к реке.

* * *

Выругавшись, Лиза схватила со стола микроскоп и изо всех сил швырнула в стену. Снова неудача. Каждый раз, как только она вплотную подходила к разгадке, все срывалось. Словно кто-то свыше, дав ей призрачную надежду, одним движением пальца уничтожал всю ее работу. Клетки очередного подопытного снова отторгали внесенные изменения.

Дав выход накопившейся злости, Лиза поднялась и, устало потерев поясницу, направилась к выходу из лаборатории. Опять придется уничтожать эмбрион, в кровь которого она должна была ввести вакцину, а потом вновь отправлять подопытную на оплодотворение. Как же ей все это надоело! Давно уже известно, что подобную процедуру можно провести без помощи мужчины. Достаточно только закупить нужное оборудование и достаточное количество семенной жидкости.

Но хозяин и слышать об этом не хотел. Из какого-то извращенного упрямства он требовал проводить эксперименты только над эмбрионами, зачатыми обычным способом, да еще и только от охранников монастыря. Впрочем, в этом был определенный смысл. Гарантировать, что закупленный материал будет получен только от людей арийской расы, никто не мог. Значит, вполне возможны ошибки и брак.

С другой стороны, долгое проживание в закрытом сообществе не могло не сказаться на качестве жидкости охранников. После проведенных исследований Лиза абсолютно точно знала, что две трети из них стерильны. Несколько особо злобных на поверку оказались полными импотентами, остальные худо-бедно функционировали.

Приказав охраннику прислать в лабораторию команду уборщиков, Лиза прошла в свой кабинет и, присев за стол, задумчиво покрутила в пальцах золотой паркер – подарок хозяина по случаю окончания университета. Эта ручка стала ее талисманом. На торце кнопки был выгравирован знак их ордена. Лиза бросила ручку на стол и шагнула к кофеварке, когда дверь без стука распахнулась, и в кабинет ворвалась мать-настоятельница.

– Что вы себе позволяете?! – завопила она с порога. – Кто дал вам право ломать дорогое оборудование?!

– Я буду ломать то, что мне будет нужно, пока не добьюсь нужного результата, – зарычала в ответ Лиза, тихо сатанея от ненависти.

– Да как вы смеете? Кем вы себя возомнили? – задохнулась от возмущения настоятельница.

– Человеком, работающим над оживлением вашей вымирающей крови. Я единственная, кто на это способен. Так что заткнитесь и займитесь своими делами. Вы здесь лишь для обеспечения всем необходимым проводимой мной работы. Вон отсюда, – рявкнула Лиза, удивляясь собственной смелости.

Еще неделю назад она ни за что не посмела бы так разговаривать с этой старой ведьмой. Слишком свежи были в памяти розги, с которыми мать-настоятельница обращалась просто виртуозно. Но с того момента, как ее подвергли наказанию в резиденции хозяина, в ней словно что-то изменилось. Словно в сознании сломался какой-то запорный механизм, державший ее волю под замком. И теперь Лиза от души наслаждалась полученной свободой.

– Я немедленно доложу хозяину о вашем поведении, – многообещающе процедила настоятельница и хлопнула дверью.

– Чтоб ты сдохла, старая сука, – в полный голос пожелала Лиза, включая кофеварку.

Она и сама не понимала, что вдруг на нее нашло, и с чего она взялась крушить оборудование. Но, как ни странно, это пошло ей на пользу. Злость и раздражение отступили на второй план, уступив место усталости и мрачному недовольству. Хотя, если как следует разобраться, недовольной ей быть не с чего. За три с небольшим года она сумела сделать то, до чего не додумались два поколения ее предшественников. Оставалось последнее – одолеть иммунологический порог, отторгавший все внесенные в клетку изменения.

И тогда ее задача будет решена. Но как это сделать? Любому глупцу известно, что болезнь ослабляет иммунитет, но вносить изменения в больную клетку означает сразу погубить и ее, и экспериментальный ген. Значит, нужно разработать вакцину, которая будет подавлять иммунитет человека, при этом не вызывая болезни.

Стерильные условия содержания, малая подвижность и приличное питание – вот три кита, на которых покоится условие выживания подопытного при ослабленном иммунитете. Размышляя таким образом, Лиза пригубила напиток, совершенно не чувствуя его вкуса. Резкий шум в коридоре и тяжелые шаги заставили девушку вздрогнуть.

Быстро поставив чашку на край стола, Лиза негромко выругалась и, схватив салфетку, принялась стирать кофейное пятно с рубашки. Дверь с треском распахнулась, и в комнату ворвалась настоятельница в сопровождении двух самых противных, по мнению Лизы, охранников. Ткнув пальцем в девушку, настоятельница приказала:

– Взять ее. Отвести в карцер и заковать.

Это было уже слишком. Мало того что они сбили ее с мысли, так теперь еще собираются попусту отнимать время. Этого Лиза стерпеть не могла. Схватив со столика кружку с горячим кофе, она выплеснула напиток в лицо первому охраннику и с ходу швырнула чашку в голову второму. Не давая им опомниться, она с размаху пнула первого охранника в промежность и, упершись руками в столик, обеими ногами ударила второго охранника в лицо.

Затем она стремительно метнулась к своему рабочему столу и, выхватив из ящика пистолет, одним плавным движением передернула затвор, досылая патрон. Охранники растерянно замерли, удивленно глядя в наведенный на них ствол.

– Взять ее! Она не посмеет стрелять! – взвизгнула от избытка чувств настоятельница.

Вместо ответа Лиза перевела пистолет на ближайшего охранника и плавно нажала на крючок. Выстрел отбросил его в сторону, превратив голову в кровавую кашу. Не дожидаясь реакции второго охранника, Лиза навела пистолет и на него, и выстрелила. Потом, нацелив ствол в грудь настоятельнице, Лиза вышла из-за стола и, осторожно перешагнув через тела убитых, тихо, с расстановкой, сказала, с ненавистью глядя в глаза этой старой ведьме:

– Если ты еще раз осмелишься помешать мне, когда я размышляю, я сделаю с тобой то же самое. Только что, из-за тебя, старая сука, я потеряла нужную идею.

– Вы, вы, ты... – заикаясь, прокаркала настоятельница. – Ты с ума сошла! Ты знаешь, что теперь с тобой будет?!

– Наоборот. Я в своем уме и даже успокоилась. Нужно было раньше это сделать. Теперь, как только кто-то осмелится без стука войти в помещение, где я нахожусь, я тут же пристрелю его. А если это будешь ты, то с особым удовольствием. Пошла вон, тварь!

С этими словами Лиза изо всех сил ударила настоятельницу рукоятью пистолета по лицу. Удар оказался так силен, что старуху выбросило в коридор. Упав на пол, она выплюнула два зуба и, растерянно посмотрев на собственную кровь на руке, смогла только протянуть на одной долгой ноте:

– А-а-а-о!

Этот вой доставил Лизе больше удовольствия, чем все предыдущие победы на научном поприще. Услышав быстрые шаги, она поставила пистолет на предохранитель и, сунув его за пояс джинсов, воинственно уперла кулаки в бедра. Подбежавшие на выстрелы охранники остановились и растерянно затоптались, глядя на учиненное ею побоище. Понимая, что нужно ковать железо пока горячо, Лиза решительно приказала:

– Уберите отсюда эту падаль и немедленно пришлите уборщиков. Эту рухлядь тоже унесите. Отныне мои приказы должны исполняться быстро и без всяких оговорок. В противном случае я сделаю с виновником задержки то же самое.

Лиза выразительно похлопала ладонью по рукояти своего вальтера и, развернувшись, направилась к выходу из рабочего блока. Ей необходимо было пройтись и осмыслить то, что она умудрилась наворотить. Выбравшись в сад, Лиза попыталась вернуться к прерванным размышлениям, но в голове все смешалось. От избытка адреналина ее начало трясти. Ноги подгибались, и в горле вдруг стало сухо, как в пустыне.

Опустившись прямо на траву, Лиза обхватила руками колени и попыталась просчитать последствия своего поведения. От мыслей о поездке в резиденцию хозяина ее ягодицы усиленно зачесались. Вдруг кровь прилила к лицу и груди, тело охватила странная дрожь, а бедра непроизвольно сжались. В следующую секунду она испытала самый настоящий экстаз.

Молодой здоровый организм превратил боевое возбуждение в сексуальное, разрядившись полноценным оргазмом. Такого Лиза еще не испытывала. Не в силах сдержаться, она изо всех сил сжала колени и громко, хрипло застонала, обессиленно падая на траву. Перед глазами девушки стоял розовый туман, а воздух вдруг превратился в желе, которое она с трудом проталкивала в легкие.

Кое-как придя в себя через несколько минут, она поднялась и, убедившись, что никто ее не видел, попыталась встать на ноги. Конечности тряслись, а колени подгибались так, что она вынуждена была опереться о ближайшее дерево. Отдышавшись, Лиза еще раз огляделась и, автоматически проверив наличие за поясом пистолета, отправилась к себе. Все, что ей сейчас было нужно, это душ и большая порция хорошего кофе.

Запершись в своей комнате, она быстро разделась и, взяв из комода полотенце, отправилась в ванную. Включив воду, Лиза встала под обжигающе горячие струи, предварительно пристроив оружие на полочке. Под рукой. От настоятельности можно было ожидать любой пако-сти, поэтому с пистолетом Лиза решила больше не расставаться. Она не знала, как рассудит хозяин, но слепо подчиняться злобной карге больше не собиралась. Отныне в том, что касалось проведения экспериментов, главной будет она!

Лиза не боялась даже изгнания. Маленькая тайна своевольной девчонки так и осталась тайной. Вырвавшись из монастыря в большой мир, она быстро поняла, что на свете очень много гораздо более интересных вещей, чем тупое служение какой-то высшей идее. Регулярно экономя на выдаваемых ей карманных выплатах, Лиза сумела собрать кругленькую сумму, которую втайне от всех перевела на свой личный счет в один из банков на Каймановых островах.

Отправляя ее в университет, хозяин решил, что всевозможные подработки будут отвлекать девушку от учебы, и приказал выплачивать ей любые необходимые суммы, лишь бы Лиза могла полностью сосредоточиться на обучении. Непривычной к излишествам и беспорядочному шопингу Лизе было просто отказаться от различных соблазнов. Как и выполнить приказ хозяина. С самого первого дня она была лучшей на курсе.

Стрельбе и рукопашному бою ее начали учить еще в монастыре, поэтому ее главным развлечением стали тренировки и посещение тира. Подруг у нее не было, а парни вообще мало интересовали эту сильную, нелюдимую девушку. В конечном итоге ей навесили ярлык синего чулка и ледышки, после чего оставили в покое. Самой Лизе было глубоко наплевать на мнение о ней остальных студентов.

Главное, чтобы не трогали и не пытались лезть в душу с глупыми разговорами. Вернуться обратно в монастырь, и вообще в Африку, ей пришлось только потому, что хозяин пообещал лично пристрелить ее как собаку, если она откажется продолжать дело своих родителей. А обещаниям хозяина стоило верить.

И вот теперь все ее труды могут пойти прахом только потому, что одна старая карга не хочет смириться с ограничением собственной власти. Ведь Лиза не просила ничего лично для себя. Ей требовалась только свобода в работе. Той работе, для которой она столько лет трудилась и корпела над учебниками.

Выключив воду, Лиза завернулась в полотенце и, взяв расческу, принялась распутывать мокрые пряди волос. Вода смыла и запах крови с кожи, и последствия неожиданного экстаза. Успокоившись, девушка обрела способность мыслить здраво и с бесстрастностью компьютера просчитывала возможные варианты развития событий.

* * *

Появление хозяина в непальском монастыре стал полной неожиданностью. Все знали, что старик отправился в Африку, и вдруг он снова здесь. Три участника поисковой группы угрюмо взирали на высокие дубовые двери, ожидая приглашения в кабинет. Гюнтер привычным жестом попытался почесать в затылке, но пальцы наткнулись на бинт; он сморщился и тихо выругался:

– Дьявол, вечно забываю...

– Заткнись. Нашел время ныть, – огрызнулся в ответ Ганс.

– Заткнитесь оба, уроды, – зарычал Людвиг, сжимая пудовые кулаки. – Если бы не ваше трусливое нытье, Хайнц был бы с нами и ублюдка бы привезли. Трусливые шакалы!

– Ты полегче! Откуда мы могли знать, что у этих ученых есть оружие? – проворчал Ганс, опасливо отодвигаясь в сторону.

– Какое оружие? Что ты несешь, придурок? В нас стреляли из наших же стволов.

– Господа, вы можете войти, – прервал их спор звучный, хорошо поставленный баритон секретаря.

Дружно замолчав, боевики шагнули в кабинет, моментально подбираясь, словно перед дракой. Пройдя по роскошному персидскому ковру, они остановились в пяти шагах от резного стола и, вытянувшись по стойке смирно, замерли как на параде. Пролистав какой-то документ, хозяин небрежно бросил его на стол и, задумчиво посмотрев на вошедших, спросил:

– Итак, господа, что же все-таки произошло? Как случилось, что из шести вооруженных солдат обратно вернулись только два с половиной? И где ваш командир? Где Хайнц, я вас спрашиваю?

Голос хозяина звучал спокойно и как-то безжизненно. От этого спокойствия боевикам стало еще неудобнее. Ганс и Гюнтер дружно покосились на Людвигу, негласно признавая его лидерство в группе. Здоровенный молчун Людвиг осторожно сделал полшага вперед и кратко изложил события. Оба боевика мысленно перекрестились, готовясь к расстрелу. Внимательно выслушав рассказ, хозяин кивнул и, откинувшись на спинку кресла, задумчиво протянул:

– Что ж. Это соответствует тому, что сообщил мой человек. Вы столкнулись с неизвестной переменной: человеком, владеющим навыками ведения ближнего боя. Очевидно, это бывший военный, причем имеющий опыт боевых действий. И все-таки, как он умудрился положить трех из шести, предварительно контузив четвертого?

– Он подобрался сзади. Хайнц слишком увлекся, играя в полицейского, – тихо проворчал Ганс.

– Увлёкся он, а по голове получил ты, – усмехнулся в ответ хозяин. – И так, получив достойный отпор, вы решили отступить, бросив своих боевых друзей. Не самая приятная рекомендация для вас.

– Мы не могли допустить, чтобы они захватили вертолет. Для такого шустрого бойца это было бы не сложно, – буркнул Людвиг.

– Согласен. С таким транспортом они уже покинули бы пределы страны. Что ж, возвращайтесь пока к своим делам. Я подумаю, что с вами делать дальше.

– А экспедиция? – не понял Людвиг.

– А что экспедиция? – удивленно переспросил хозяин.

– Они же сообщат обо всем властям!

– Не успеют. Я приказал отправить в лагерь три группы по десять человек. На этот раз верхом на яках. Они доставят сюда всех, кого найдут. Живых и мертвых.

– Я прошу разрешения участвовать в операции, – тут же попросил Людвиг.

– Нет. Это не карательная экспедиция, но вашу попытку реабилитироваться я учту. Возвращайтесь в казармы.

Сообразив, что получили отсрочку, боевики покинули кабинет. Проводив их мрачной усмешкой, хозяин покачал головой и тихо, едва слышно, выдохнул:

– Тупое мясо. Только и могут, что стволами размахивать.

Тишину кабинета разорвало мелодичное урчание телефона. Хозяин вообще не любил резких звуков. Сняв трубку после третьего сигнала, он неспешно поднес ее к уху, даже не делая попытки заговорить. Звонящие на этот номер и так знали, с кем будут разговаривать. На этот раз его осмелилась побеспокоить мать-настоятельница африканского монастыря.

Выслушав сказанное, хозяин едва сдержал рвущийся наружу хохот и, с трудом взяв себя в руки, ответил:

– Не беспокойте ее, пока я не приеду. Пусть работает.

Положив трубку, он не выдержал и громко, от души, рассмеялся. Девчонка все-таки это сделала! Не выдержав постоянного давления старой стервы, она просто размазала ее по стене, одной вспышкой отвоевав себе не только место под солнцем, но и серьезное уважение всей охраны. Как призналась сама старуха, теперь от паршивки шарахаются даже вооруженные бойцы.

Чего-то подобного давно следовало ожидать, но он не думал, что все будет так круто. Потеря двух тупых охранников хозяина мало беспокоила. Его больше волновал результат работы девчонки. Это было главным. Остальное не имело значения. Хозяин давно и с неподдельным интересом наблюдал за этим противостоянием, ожидая интригующей развязки. И вот она наступила.

Отсмеявшись, он успокоился и, пройдя к бару, плеснул себе немного коньяку. Глотнув напитка, хозяин качнулся с пятки на носок и, глядя на янтарную жидкость, сказал:

– Как же это все не вовремя...

Хозяин терпеть не мог подобные накладки. Они всегда означали начало очень больших неприятностей. Повезло, что его человек в полиции Непала вовремя сообщил ему об этой экспедиции. Именно поэтому он настаивал на обязательном возврате беглого мальчишки, пусть даже в мертвом виде. Достаточно было взглянуть на карту, чтобы понять, что река вынесет тело именно на отмель, где начинается расселина, ведущая к лагерю экспедиции.

Бунт девчонки тоже требовал его вмешательства, но сейчас это дело могло подождать. В конце концов, настоятельница должна сама заботиться о сохранении своего престижа. Ее никто не просил совать свой нос в работу лаборатории, так что теперь она пожинает плоды собственного неумного желания подчинить себе всех и вся.

Но прежде чем ехать разбираться с бабьими глупостями, нужно было убедиться, что отправленный в ущелье отряд в точности выполнит его приказ и притащит в монастырь всех

людей и все оборудование, которое там есть. А главное, нужно было выяснить, что ученым стало известно. Допустить распространение слухов о деятельности монастыря хозяин не мог.

Слишком многое было поставлено на карту. И слишком много сил было вложено в дело, которому он отдал почти всю свою жизнь. Он не вспоминал те несколько вакцин и разные косметические средства, которые были синтезированы в ходе проведения эксперимента. Полученные за их разработку средства давно уже были пущены в дело, принося дивиденды, на которые закупалось нужное для проекта оборудование.

О том, что все эти открытия были сделаны в процессе экспериментов на людях, хозяин даже не вспоминал. Этические и моральные проблемы его не волновали. Точнее, он был выше этих понятий. Поговорка «цель оправдывает средства», придуманная монахами-иезуитами, как нельзя лучше отражала его мировоззрение.

Вспомнив про отправленный в ущелье отряд, хозяин опять качнулся на носках и, в очередной раз вздохнув, тихо проговорил:

...И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите
За тридевять морей.
На службу к покоренным
Угрюмым племенам,
На службу к полудетям,
А может быть – чертям...⁷

* * *

Сборы российской экспедиции были недолгими, чего нельзя было сказать про остальных. Англичане, под предводительством профессора Спенса, наотрез отказались уходить, заявляя, что они ни в чем не виноваты и требуют немедленно сообщить обо всем случившемся властям. Но единственный спутниковый телефон разбился во время нападения, а другой связи в лагере не было. В рацию англичан угодила шальная пуля, а старенькая рация военного образца российской экспедиции не работала в условиях гор, так что звать на помощь и вообще предпринимать какие-нибудь попытки связаться с внешним миром заранее были обречены на провал. К удивлению профессора Васильева, немецкая группа раскололась на две партии. Одни тут же выразили желание отправиться с русскими. Другие предпочли остаться с англичанами.

Понимая, что спорить и уговаривать бесполезно, профессор попросил всех покидающих лагерь побыстрее собраться и с вещами выходить к тропе, ведущей в долину. Ушедший с пленником Алексей вернулся минут через двадцать и, мрачно пошептавшись о чем-то с доктором, решительно направился к Васильеву.

Отобрав у него рюкзак, Алексей быстро проверил собранные профессором вещи и, удрученно вздохнув, молча ушел с ними в палатку. Как и ожидалось, вместо нужных в долгой дороге вещей, профессор взял с собой все оборудование, которое только смог запихнуть в свой выдавший виды сидор.

– Как ребенок, честное слово, – ворчал Алексей, быстро укладывая свитера, штаны и запасные ботинки профессора.

Потом, пользуясь тем, что в рюкзаке еще оставалось немного места, он уложил любимый профессором походный несессер с набором луп, кисточек и тому подобных мелочей. Отлично зная своего шефа, Алексей и подумать не мог, чтобы оставить несессер в лагере. Это была

⁷ Редьярд Киплинг. «Бремя белых»

единственная вещь, которой профессор по-настоящему дорожил. Выскочив на улицу, он вернул рюкзак владельцу и, перебросив доктору один из пистолетов, решительно объявил:

– Все, уходим.

– Одну минутку, господа, – тут же подступил к нему профессор Спенс. – Куда вы дели пленника? Что вы с ним сделали?

– А вам-то что за печаль? – ответил Алексей вопросом на вопрос.

– Мы имеем право знать, как вы поступили с человеком. Я не собираюсь нести ответственность за вашу кровожадность. Отвечайте!

– А кто ты такой, чтобы я перед тобой отчитывался?

Упирался Алексей уже из чистого упрямства. Ему давно действовал на нервы этот заносчивый сноб с лошадиной мордой. Понимая, что для англичанина этот спор добром не кончится, Васильев чуть усмехнулся и, вздохнув, попросил:

– Леша, ну скажи ты ему, куда бандита дел, и пойдём. Время только даром теряем.

– Отпустил. Делать мне больше нечего, как о такую пакость руки марать, – буркнул Алексей, сдаваясь.

– Значит, он жив? – уточнил англичанин, не доверяя ему.

– Сейчас не знаю, а когда уходил – живее всех нас был, – усмехнулся Алексей и, плечом отодвинув профессора в сторону, направился в голову колонны.

– Куда вы направляетесь, профессор? – прицепился англичанин к Васильеву.

– В Китай. Туда по карте ближе, – вместо него ответил Алексей и, ухватив Васильева за локоть, решительно потащил его за собой.

Все собравшиеся покорно потянулись гуськом к выходу на тропу, и вскоре длинная вереница уходящих скрылась за поворотом. Задавая темп, Алексей быстро повел людей в сторону границы. Сейчас главным было уйти от лагеря подальше. Но, оглядываясь на шефа и помня о двух раненых, Алексей то и дело сдерживал шаг. Едва поспевая за помощником, Васильев быстро спросил:

– Леша, а почему в Китай?

– Потому что это будет первый вопрос, который им зададут, Олег Борисович. А на самом деле мы пойдём в Индию. Нравы там посвободнее, и к русским хорошо относятся.

– Я как раз хотел предложить именно Индию. Там у меня живет один старый друг, который сможет помочь нам в общении с властями. К тому же мое имя широко известно в индийских научных кругах, поэтому в этой стране нам будет легче.

Улыбнувшись его наивной самоуверенности, Алексей не стал говорить, что чиновники во всех странах одинаковые, и говорить с ними можно только двумя способами. С позиции силы или с солидной взяткой в руках.

В долину спустились уже в полной темноте. Полноценный лагерь решили не разбивать. Пользуясь походным примусом, Алексей вскипятил воды и заварил чай. Потом помог профессору запить сухой паек ужина кружкой крепкого напитка и, укутав его в спальный мешок, нашел взглядом устало ссутулившуюся фигуру доктора. Подошел к нему и тихо произнес, присаживаясь рядом:

– Караул придется на двоих делить. Остальные нам не помощники. Им ствол страшно в руки давать. Сами застрелятся или остальных сдуру перестреляют. Люди науки!

– Это точно, – усмехнулся в ответ Максим. – Как поделим?

– Первая половина моя. Рассвет в пять десять, так что в два ночи разбужу. Ложись.

– Сам-то уснуть не боишься? Всю дорогу на ногах, – зевая, протянул Максим.

– Я ночная птица. Как в том анекдоте. Еж птица гордая – пока не пнешь, не полетит.

– Это ты к чему? – не понял доктор.

– Да так, каламбурю, чтобы настроение поднять, – грустно улыбнулся Алексей.

– Ясно. Тогда отвали. Я уже сидя сплю, – и доктор еще раз смачно зевнул.

Усмехнувшись, Алексей оставил его в покое и, поправив ремень автомата, медленно пошел по периметру лагеря. То и дело поглядывая в чернильное ночное небо, он пытался заметить огни пролетающего вертолета. Эта птичка беспокоила его больше всего. Еще свежи были воспоминания о том, как легко обнаружить и уничтожить с воздуха пехоту. Благо в прошлый раз он был в роли охотника.

Ночь прошла спокойно, и с рассветом доктор разбудил Алексея, бесцеремонно тряхнув за плечо. Разом проснувшись, Алексей вскинул голову, чтобы прогнать дремоту и, усевшись, с ходу спросил:

– Чай горячий?

– Умывайся. Уходить пора, – усмехнулся Максим.

Быстро ополоснув лицо из фляжки, он в три глотка выпил кружку горячего сладкого чая и, скатав спальный мешок, внимательно оглядел остальных участников похода. Не привычные к долгой ходьбе люди, страдальчески морщась, сворачивали лагерь, пытаясь делать вид, что чувствуют себя нормально. Мрачно покачав головой, Алексей обратился к доктору:

– У тебя ничего нет, чтобы эту толпу хоть чуть-чуть взбодрить?

– У меня же не спецназовская аптечка, – пожал плечами Максим. – Обычный набор первой помощи. Даже серьезную операцию не сделать.

– Ладно, переживут. Не сахарные, – махнул рукой Алексей, закидывая рюкзак за спину.

– Переживут, – согласно кивнул Максим. – Ты профессора уже проверил?

– Черт, забыл, – охнул Алексей и, подхватив автомат, рысью помчался к шефу.

Несмотря на отсутствие помощника, Васильев сумел самостоятельно скатать спальник и привязать его к рюкзаку, и теперь с кряхтением закидывал готовый рюкзак на плечи. Алексей придержал тяжелый рюкзак и, озабоченно заглянув в лицо профессору, тихонько спросил:

– Как вы, Олег Борисович?

– Почти нормально, Лешенька, – улыбнулся Васильев. – Ноги вот только с непривычки болят. И спина. Старый совсем стал.

– Потерпите до следующей ночевки. Вечером я вам массаж сделаю – к утру как новенький будете, – пообещал Алексей, пытаясь приободрить старика.

Благодарно улыбнувшись, профессор с тихим стоном выпрямился и, похлопав его по плечу, ответил:

– На вас наша безопасность, Алеша, так что сосредоточьтесь на главном. А я как-нибудь дотерплю до цивилизации. Не такая уж я развалина.

– Если что, сразу зовите меня или доктора. Не геройствуйте и не терпите. Лучше вовремя остановиться, чем потом кого-то на себе нести. В таких делах ненужный героизм хуже предательства, – быстро проговорил Алексей, продолжая внимательно вглядываться в осунувшееся лицо шефа.

– Обещаю, Леша, – улыбнулся Васильев, поправляя лямки рюкзака.

Убедившись, что профессор держится молодцом, Алексей громко велел всем выстроиться в колонну и, проверив, чтобы никого не забыли, двинулся в путь. К середине дня члены экспедиции взмолились об отдыхе. Понимая, что такими темпами он просто загонит людей, Алексей объявил короткий привал, разрешив им съесть немного сухарей и попить воды.

Понимая, что говорится это не из вредности, а в силу необходимости и на основе опыта, люди покорно слушались.

Через полчаса Алексей решительно отдал команду к движению. Ворча и стеля, беглецы разобрали рюкзаки и, выстроившись в колонну, отправились дальше.

Лагерь разбивали уже в темноте. Вскипятив воду все на том же примусе, к которому хозяйственный доктор прихватил целую канистру керосина, Алексей дождался, пока все немного отдохнут, и решительно подошел к профессору:

– Олег Борисович, ложитесь на живот, я вас разомну.

– Не надо, Лешенька. Со мной все в порядке, – стал отказываться профессор, но Алексей был неумолим.

Чуть не силой уложив старика на спальник, он ловкими, привычными движениями размял тому спину и ноги, внимательно следя, чтобы случайно не потянуть какую-нибудь мышцу. С интересом наблюдавший за ним доктор, одобрительно кивнул и, присев рядом, спросил:

– Сколько лет в спорте?

– Без малого десять. А что?

– Заметно. Профессионально работаешь.

– Алексей, может, вы и мне массаж сделаете? – неожиданно попросила одна из женщин.

– Конечно. Ложитесь, – вздохнул Алексей, поднимаясь на ноги.

– Отдохни, я сам, – остановил его Максим, быстро подходя к женщине. – В конце концов, это я экспедиционный врач.

Кивнув, Алексей закинул на плечо автомат и принялся обходить лагерь по периметру. Берта окликнула его, когда парень проходил мимо. Присев рядом с девушкой, он вздохнул и с участием спросил:

– Как нога? Я не слишком гоню?

– Ноет, но рана несерьезная. Можно сказать, царапина. Я хотела спросить: а ты уверен, что на лагерь нападут?

– К сожалению, уверен. Они пришли за мальчишкой, и если уж начали применять оружие, не остановятся. Не хочу тебя пугать, но для этих людей чужая жизнь ничего не значит. Здесь, в горах, все по-другому. Не так, как ты привыкла.

– А кто могут быть эти люди?

– Не знаю. Может быть, торговцы наркотиками, а может, какая-нибудь секта.

– Секта? Почему именно секта? – насторожилась Берта.

– Видела татуировку на плече у парня?

– Конечно.

– Так вот: это знак ордена воинов-жрецов. Знак Черного солнца. Такими часто пользовались во время Второй мировой войны, обозначая таким образом, какой службе принадлежит та или иная вещь. Сама понимаешь: орден, секта... А если вспомнить, что в те времена в Непал из Германии регулярно отправлялись экспедиции, то можно догадаться, откуда он тут взялся. А можно теперь я спрошу?

– Конечно.

– Откуда ты так хорошо русский знаешь?

– У меня бабушка русская. Во время войны ее вывезли с оккупированной территории, а когда война кончилась, она осталась в Западной Германии. В общем, долгая история, но мой дедушка, один из выживших немецких коммунистов, случайно познакомился с ней и женился. Появилась моя мама, потом я. Но язык бабушка никогда не забывала и меня научила. Так что я иногда даже шутки русские понимаю.

– Это сложно, – усмехнулся Алексей. – Интересно получается: куда на карту ни ткни, обязательно в русского попадешь.

– Разве это плохо?

– Я этого не говорил.

За их разговором из темноты внимательно наблюдали злые серые глаза. Продолжая болтать, Алексей незаметно передвинул автомат под локоть. Вот уже двадцать минут его не покидало ощущение, будто в него кто-то целится. Под каким-то несущественным предлогом прекратив разговор, он поднялся и, выйдя за границу лагеря, настороженно замер.

В этот момент он был больше хищным зверем, чем человеком. Опаленный огнем войны, Алексей научился прислушиваться к собственным инстинктам, и сейчас он больше полагался на слух и обоняние, чем на зрение. Но вокруг было тихо. Еще раз осмотревшись, Алексей

понял, что напрягшее его чувство – не ошибка и не сбой усталого организма. Все было гораздо проще. Кому-то в лагере очень не нравились его беседы с Бертой или то, что в этом походе старшим стал он.

Другой причины Алексей не находил. Заметив странные перемещения бойца, Максим поднялся со спальника и, подойдя, тихо спросил:

– Ты чего встрепенулся?

– Да так, послышалось кое-что, – попытался отговориться Алексей.

– Ты мне лапшу-то не вешай. «Послышалось». Рассказывай, что почуял, – потребовал доктор.

– Да понимаешь, такое впечатление было, что кто-то в меня целится. Вот и решил проверить.

– Специально мишень изображал? Дурак. Нет здесь никого. Это, похоже, кто-то из лагеря за тобой наблюдал.

– А ты откуда знаешь? – растерялся Алексей.

– Все просто. Хотели бы убить, уже убили бы. Здесь стесняться некого. А учуял ты это после того, как с девчонкой заговорил. Выходит, у твоей красавицы есть тайный воздыхатель, которому ваши посиделки очень не нравятся. Вот он за вами и следил. А так как ты парень битый, нутром опасность учуял. Запомни: мысль – она материальна.

– Это мне еще тренер говорил, – усмехнулся Алексей.

– Это хорошо, что у тебя снова инстинкты заработали. У нас у всех шансов больше будет. Мои-то еще не всколыхнулись. Слишком долго спокойной жизнью жил. Да и в особо тяжелых передрыгах мне бывать не приходилось. Так, несколько перестрелок с духами. Как ни крути, врач, а не боевик, – вздохнул Максим.

– Ничего, прорвемся, – проворчал Алексей, внимательно вслушиваясь в тихий посвист холодного ветра. – Мне кажется, или правда что-то жужжит?

– Не слышу, – насторожился доктор.

– Скажи всем, чтобы фонари погасили, – быстро приказал Алексей, отходя в сторону.

Велев убрать все фонари и постараться некоторое время лежать не шевелясь, Максим последовал за ним. Уже через минуту он удивленно хлопнул Алексея по плечу и восторженно проворчал:

– Черт, ну у тебя и чутье! Это же вертолет.

– Он самый. Мимо идет. В сторону лагеря, – тихо ответил Алексей, вслушиваясь в рокот мотора. – Похоже, тот же самый.

– Откуда знаешь?

– Звук запомнил. Я еще тогда, в ущелье, удивился. У наших гул такой басовитый был, с посвистом. А у этого отчетливый свист в выхлопе слышен.

– Ну, парень! Тебе с таким слухом только в консерваторию поступать, – восхитился Максим.

После того как гул мотора стих, бойцы вернулись на стоянку и тут же были атакованы вопросами. Понимая, что просто так от них не отстанут, Алексей коротко поведал беглецам о своих познаниях. Узнав, что это был вертолет бандитов, люди дружно уставились в ту сторону, где остался лагерь. Максим, чувствуя, что люди вот-вот сорвутся в панику, громко добавил:

– Старайтесь не включать лишней раз фонари, и если услышите гул мотора, не бегите. Наоборот, быстро накройте свои спальные мешки одеялами и замрите. В темноте, с высоты вас сложно будет рассмотреть среди камней.

– Вы уверены? – тут же послышался вопрос.

– Уверен. Главное, цветными куртками не сверкайте, – ответил доктор, мысленно проклиная западные шмотки химических колеров с нашитыми на них светоотражающими полосками.

– Алексей, можно вас на минутку? – позвал парня Васильев.
– Что-то случилось, Олег Борисович? – настороженно спросил Алексей, быстро подходя к нему.

– Нет. Просто хочу попросить вас кое о чем, – устало улыбнулся профессор.

– Конечно. Я слушаю.

– Возьмите вот это и постарайтесь сохранить. Если со мной что-нибудь случится, там вы найдете все необходимые инструкции. Только пообещайте, что вскрыете его, только когда будете уверены, что меня больше нет, – тихо попросил Васильев, протягивая ему металлический тубус с плотно закрученной крышкой.

– Что за глупость, Олег Борисович?! – возмутился Алексей. – Уж кого-кого, а вас я отсюда точно вытащу.

– Спасибо, Лешенька. Но осмелюсь дать вам один совет. Никогда не давайте напрасных обещаний. В этом приключении далеко не все зависит от вас. Так что лучше дайте слово выполнить мою просьбу.

– Олег Борисович! В этом приключении у меня намного больше шансов нарваться на пулю, чем у всех вас, вместе взятых. Помните, что тот бандит сказал?

– Думаю, русского солдата какой-то фашистской сволочи пристрелить будет не так просто, – улыбнулся в ответ профессор. – Я это знаю, Леша. Своими глазами видел. Обещайте выполнить мою просьбу.

– Обещаю, – нехотя сдался Алексей, забирая у него тубус.

Улыбнувшись, профессор откинулся на рюкзак и, прикрыв глаза, затих. Старательно прислушавшись к его дыханию, Алексей убедился, что с шефом все нормально и, отойдя в сторону, задумчиво покрутил в руке посылку. Около трех сантиметров в диаметре и двадцати – в длину, тубус был сделан из какого-то легкого металла. Из любопытства царапнув его ножом, Алексей с удивлением понял, что это титан.

* * *

Штурмфюрер Хайнц сильно рисковал, когда прыгал в воду стреноженным и со связанными руками. Но в глазах своего конвоира он прочел приговор – и решил попытать счастья.

Вообще-то, Хайнц редко полагался на удачу, предпочитая точность знания неопределенности провидения. Воспользовавшись тем, что приведший его к реке парень отвлекся на шум в лагере, он сильным толчком плеча отбросил конвоира в сторону и, недолго думая, бросился в воду. Сделав глубокий вдох, Хайнц нырнул и, изогнувшись дугой, дотянулся до веревки, спутывавшей ноги.

Распустив узел на правой ноге, он оттолкнулся от каменистого дна, позволив реке нести себя дальше, и только старался изредка всплывать на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Но, к удивлению Хайнца, выстрелов не было слышно. Очевидно, приведший его парень решил не тратить попусту боеприпасы, предоставив реке избавиться от пленника. Каждый раз, оказываясь на поверхности, он пытался оглядеться и сориентироваться, но вокруг были только голые отвесные скалы.

Вынырнув в очередной раз, Хайнц заметил небольшую площадку и, сильно загребая ногами, сумел подобраться к правому берегу реки. Течение здесь было заметно слабее, а глубина меньше. Убедившись, что может без опаски встать на ноги, он добрал до берега и обессиленно рухнул на песок. Короткий заплыв отнял у него больше сил, чем ночной марш-бросок.

Отдышавшись, Хайнц перекатился на бок и, поднявшись, принялся обходить площадку по периметру, выбирая подходящий камень, о который можно было бы перетереть кожаный ремень, которым были связаны руки. Заметив подходящий осколок, он снова улегся на бок

и, пристроившись, принялся за работу. Но основательно промокшая кожа ремня не желала просто так поддаваться.

Хайнц в кровь ободрал руки, но ремень перетер. Отбросив обрывки, он мрачно осмотрел свои запястья и занялся поисками сухопутной дороги к монастырю. Опять лезть в воду он не собирался. К тому же река текла в направлении обратном тому, куда стремился он. Самое неприятное, что он оказался на другой стороне реки. Монастырь, куда ему требовалось попасть, находился от него за бурным потоком.

В любом случае Хайнцу нужно было выбраться из ущелья, чтобы понять, где именно он оказался. Внимательно осмотрев скалу, он заметил подходящие уступы и, чуть усмехнувшись, принялся растирать руки. Для долгого подъема ему требовалось вернуть конечностям чувствительность и силу. Лазать по скалам его учили с самого детства. Жить в горах и не уметь ходить по ним – было бы абсурдно.

Пребывание в ледяной воде здорово ослабило Хайнца, но ему было не привыкать к холоду. Растирая руки, он одновременно подпрыгивал и размахивал ногами, заставляя кровь быстрее бежать по жилам. Если бы он сейчас находился в долине, Хайнц просто пустился бы бегом, с каждым шагом заставляя свое тело оживать.

Наконец, почувствовав, что согрелся, Хайнц шагнул к скале и решительно начал подниматься. Начало восхождения было не трудным, но чем выше, тем сложнее становилось отыскивать подходящие уступы. Несколько раз Хайнц зависал над отмелью на кончиках пальцев одной руки, судорожно высматривая хоть какую-нибудь трещину.

Но упорство и огромная сила все-таки победили. С трудом перевалившись через край расселины, Хайнц несколько минут тупо пялился в вечернее небо, переводя дух. Медленно поднявшись на ноги, штурмфюрер старательно огляделся и, удовлетворенно кивнув, тяжелой рысью двинулся вниз по течению.

Ему, можно сказать, повезло: километрах в десяти от того места, где он выбрался, через реку был переброшен подвесной мост. От него до границы монастыря предстояло одолеть еще семьдесят километров. Не теряя времени даром, Хайнц продолжал бежать, заставляя себя двигаться, несмотря ни на что.

Это было нечто похожее на самогипноз: ритмично двигая ногами и руками, он повторял про себя слова детской считалочки. Впрочем, проговаривать можно было все, что угодно. Главное, чтобы был ритм. Вогнав себя таким образом в легкий транс, Хайнц пробежал километр за километром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.